

Александр Самойленко

ЖЕСТОКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

ТАЙНА ГОРЫ
ХОПАТЧАХЛЬ

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

Александр Самойленко

**Жестокая параллель.
Тайна горы Холатчахль.
Приключенческий роман**

«Издательские решения»

Самойленко А.

Жестокая параллель. Тайна горы Холатчахль. Приключенческий роман / А. Самойленко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850404-4

На страницах нового романа А. С. Самойленко «Жестокая параллель. Тайна горы Холатчахль» читатели окажутся в мире удивительных приключений и событий, а в последних частях произведения откроется правда о том, что действительно произошло, по мнению автора, с группой студентов-туристов под руководством Дятлова, на склоне таинственной горы Северного Урала в далёком 1959 году.

ISBN 978-5-44-850404-4

© Самойленко А.
© Издательские решения

Содержание

Часть I.	6
Часть II.	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Жестокая параллель.
Тайна горы Холатчахль
Приключенческий роман**

Александр Самойленко

© Александр Самойленко, 2017

ISBN 978-5-4485-0404-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Дорогой предков

Витька, заканчивая обед, выбирал деревянной ложкой остаток гречневой каши. Ложка была самодельная. Некогда изготовленная дедом из цельного куска липы и раскрашенная в яркие цвета, она почти год назад перешла к нему по наследству и, хотя за всю свою долгую службу уже изрядно обшарпалась губами, всё ещё оставалась надёжной и незаменимой. Это качество не раз подтверждалось, если Витьке из-за нехватки времени приходилось быстро съесть что-либо из глубокой посуды. Будь-то каша перед ним, щи или какая другая нехитрая еда. Отобедав сейчас, он, конечно, вдоволь наелся, но, по обыкновению, малость жалел, что каша заканчивается. Гречку Витька больше всего любил, и, наверно, с той самой поры, как сам себя помнил, поэтому-то и аппетит на неё всегда был у него отменный. По этой причине съедал он гречки в один присест много. Когда уж не осталось на дне ни единой крупинки, Витька, отодвинув миску, выпил кружку жирного козьего молока, задрал рубаху и из баловства звонко шлёпнул ладонью по тугому животу, после чего, разомлевший от обильной горячей еды, неторопливо поднялся из-за стола.

– Надо ли, внучек, ещё положить, я много сегодня наварила? – спросила пожилая женщина, родная Витькина бабка, давно ему заменившая мать.

Свою беспутную, пустившую его на Свет Божий, парень представлял только по весьма скудным сведениям от деда с бабкой, да ещё по единственной фотографии. Живой, настоящей, к которой можно было бы прислониться, такой мать он не знал, ведь она ещё младенцем отдала Витьку на руки деда с бабкой, а сама, уехав в город в поисках лучшей жизни, пустилась во все тяжкие. По слухам, загуляла, запила, да так где-то там и сгинула.

– Не, бабушка, хватит пока, за ужином поем гречки ещё, – с сытой ленью протянул Витька.

– Поешь, поешь, милый, больно хороша получилась, вкусна, в русской печи парила!

Бабка, повеселев от того, что вкусно и досыта накормила дорогого внучка, энергично задвигалась, насколько позволяло тучное тело. В маленьком двухметровом закутке, громко называемом кухней, развернуться было, по большому счёту, негде, но она привыкла и даже, как всегда, принялась тихонько напевать какую-то давнишнюю народную песню, прибирая на столе за внуком. Ловко смахнув ребром ладони хлебные крошки в миску, туда же отправила деревянную ложку и, переваливаясь на больных ногах, утиной походкой ушла к плите, где в большом чугушке загодя была припасена горячая вода для мытья посуды. Витька же тем временем, удобно примостившись на табуретку возле окна, стал смотреть на дорогу, поджидая городских ребят. Они пообещали приехать ближе к вечеру, а уже завтра с утра, как договаривались, он должен был вести их в поход. В начале с десятков километров по тайге пешком, чтобы потом сплавиться вниз по течению лесной речки Бадьюшки, вертлявой, быстрой и в половодье опасной. Бабка знала про поход, только не знала, куда ребята собрались, поскольку маршрут Витька держал от неё и от местных, деревенских, до поры до времени в тайне, боясь сглазить... Автобус наконец пришёл, и как будто по расписанию, опоздав всего на пятнадцать минут. С упорством прождав его появления около трёх часов, Витька разочарованно смотрел, как из «пазика» вышло всего двое: Катерина Ивановна, местная фельдшерица, и старый деревенский пьяница Фёдор, который тут же на полянке улёгся спать, сунув под голову волосатый пудовый кулак.

«Замёрзнет, ночи пошли холодные, не поднимется, оттащу домой», – подумал про него Витька.

– Чё, не приехали дружки-то твои новые? Как же, пойдут они с ночёвками в тайгу, такие изнеженные! – с обидой произнесла бабка, жалея внука. Она уж собралась идти на улицу, встречать козу с пастбища, и в руке держала подойник, чтобы заодно подоить кормилицу в хлеве.

– Обещали, значит приедут, если не сегодня – так завтра с утра, – буркнул Витька, не надеясь, однако, сам, что будет так.

Проводив бабку взглядом до порога, а потом, чутко прислушавшись, как она, гремя подойником, спускается по ступенькам в ограду, очередной раз пожалел её больные ноги и мысленно сказал несколько слов из одной известной ему с начала и до конца молитвы, попросив у Богоматери бабке здоровья. Потерять её он очень боялся, ведь в случае чего оставался никому не нужным, круглым сиротой. Пропавшая без вести мать уже никогда не вернётся, а про отца Витьке вовсе ничего не было известно. Вместо отца был ему любимый дед Прохор, но, к большой жалости, уже около года прошло, как, он умер от курева. Часто вспоминается Витьке, бабка про смерть деда не раз говаривала соседям в те первые, тяжёлые после похорон дни: кашлял, мол, да харчел, дескать, от табака, вот и закашлялся до смерти... Он услышал, как протяжно скрипнула калитка ржавыми петлями и после этого донёсся до него зычный голос бабуся, которая стала кликать козу Маньку домой, ласково называя животину Маняшей. Сняв на ходу кепку с гвоздя, Витька выбежал на улицу, чтобы поднять с земли и отвести на другой край деревни Фёдора, не ведая о том, что совсем скоро он совершенно случайно узнает от этого горького пьяницы, нечто такое, заставившее его тотчас же изменить задуманный маршрут похода на другой...

Домой в этот день он возвратился поздно. Стараясь не потревожить бабку, на цыпочках, не зажигая свет, крадучись прошёл мимо её кровати к своей, стоявшей в дальнем углу большой, единственной в доме комнаты. Быстро скинув с себя портки и рубаху и забросив их на спинку кровати, сунул под подушку сложенную вчетверо, пожелтевшую от времени газету. В ней хранился грубый на ощупь листок бумаги, на нём химическим карандашом во всю длину были нарисованы ёлки, кедры, несколько рек, холмы, а между ними извилистый путь, обозначенный чёрточками. Там, где они заканчивались, была нарисована гора, а по ней – написанное корявыми печатными буквами слово «белая». По склону этой горы вразброс, недалеко друг от друга, нанесено несколько крестов. Это были помечены места шурфов, заброшенных ещё в давние времена бродягами-старателями, добытчиками алмазов, вечно мечтавшими поймать удачу и с ней разбогатеть. Довольный неожиданным подарком и, конечно, собой, Витька лёг, с блаженством вытянув ноги под суконным одеялом. Бабка, однако, в это время ещё не спала:

– Каши хотел ведь поисти, Витька. На плите она стоит, тёплая должна быть, – приглушённо, уставшим голосом сказала она. – Если не будешь, дак снять её надо с плиты, а то пропадёт.

– Щас сниму, – пообещал Витька.

Вставать неохота, но деваться некуда: кашу ему будет жаль, ежели прокиснет. Он рывком поднялся и, шлёпая босыми ногами по крашеным половицам, пробежал к печи, занимавшей в их деревенской избе чуть ли не треть. Сняв с плиты чугунок, поставил его на прохладный пол и прошлёпал назад. Спать ему теперь вовсе не захотелось, и он до глубокой ночи ворочался. При каждом повороте негромко поскрипывали ржавые пружины кровати, впрочем, нисколько не мешая ему размышлять над недавним разговором с Фёдором...

*** **

Деревня – она и есть деревня, всего-то две короткие улочки да один переулок, дворов не много и все деревенские друг дружку хорошо знают. Ребят из далёкого города, приехавших к ним, в деревню Кедровку, неделю назад за кедровыми шишками, заметили сразу. В этот же день деревенские уже знали, что те остановились в Витькином доме. Ну а где ещё, как не там? Поскольку Витька с бабушкой жил всего-то в метрах двадцати от того места, где

останавливался автобус, чужаки городские, приехавшие за шишками, обычно попадали прямо к ним во двор. С деревенским Витькой ребята тогда разговаривали с уважением, на равных, и тем самым сразу же пришлись ему по душе. Он с лёгкостью уговорил бабку оставить их на ночь, а на другой день бескорыстно помог им набить мешок кедровых шишек. После отъезда городских ребят по деревне сразу пошёл слух, что Витька собирается идти с ними в поход. По-видимому, сболтнула соседям бабка, а те подхватили, и понеслось! Узнал, конечно, об этом и Витькин закадычный дружок Ромка. Дуется теперь, не разговаривает с Витькой, а то как же – не позвал ведь его... «Хм, да и пусть себе дуется, это даже ещё хорошо, что не успел позвать, вишь как планы-то резко поменялись. Совсем ни к чему нам двоим из одной деревни знать, где алмазы, – думалось ему. – Помиримся, никуда он не денется, сам прибежит, когда с алмазами приду. Это ведь алмазы! А городские, так те меня к шурфам на руках понесут, как только про карту узнают. Сейчас главное скорее уйти, чтобы Фёдор тверёзым не хватился да не забрал бы карту назад. Протрезвится – вдруг пожалеет? Мол, зря Витьку карту отдал... Хотя, может, и не пожалеет – ну на хрен она ему под старость лет, к тому же спитому! Если не потерял бы по пьянке когда-нибудь, значит просто могла угодить в чьи-то чужие, загребушие руки. А так всё-таки у своего карта теперь, деревенского! – Витька с избытка чувств резко повернулся к стене, и на сей раз пружины под ним громко взвизгнули. Уже вскоре, сон незаметно взял его, и он крепко уснул, ему снилось что-то хорошее и ещё не знакомое, чему он счастливо улыбался...

Утро встретило парня яркими и на редкость жаркими для августа солнечными лучами. Бабка, как обычно, хлопотала уже у печи, подоив и проводив со двора Маньку. Потягиваясь и шурясь от яркого света, Витька ещё некоторое время лежал, а потом, вспомнив, что должен увидеть утренний автобус, резко соскочил на пол и, сделав несколько гимнастических упражнений, устался в окно.

– Рано Витька ему, не пришёл ещё, спал бы да спал внучок. Я бы уж не проворонила, разбудила к приходу, – сказала бабка, как раз процеживая парное молоко сквозь марлю, Витька даже уловил его специфический травяной запах.

– Ба, налей мне кружку, с хлебом поем, – попросил он.

Почти не жуя, он в считанные секунды съел ломоть свежеиспечённого хлеба, залпом выпил молоко, а потом натянув штаны и майку, подскочил к умывальнику в углу и, умывая лицо, затренькал соском. Витька торопился, не сомневаясь в том, что городские ребята приедут утренним автобусом, поэтому старался к их появлению быть уже готовым к выходу. То есть собрать в рюкзак необходимые в походе обычные вещи и заодно не позабыть нужные мелочи, как, к примеру, спиртовые таблетки, которые он выпросил прошлой зимой в школе у «химички». Те бы здоровогодились в случае проливных дождей для сугрева, как небольшого помещения, так и жратвы.

– Надолго ли, Витька, идёте? – подала голос бабка. Дело было не впервой, в походы Витька много хаживал и раньше, так что она не переживала – спросила больше для порядка. – Съестного много ли готовить тебе с собой?

– Да не, ба, как обычно, картохи сырой, соли, огурцов солёных, листа лаврового, перцу, ну и что ещё у тебя там найдётся...

– Ой, я же вчера квашонку поставила! Пирогов сейчас напеку, с капустой да с луком зелёным, – всплеснула руками бабка и засеменила на другую сторону печи. Там стояла на приступке большая, дюралевая кастрюля. Витька, бросив беспокойный взгляд на окно, поморщился.

– Не успеешь ведь, бабушка! Может, ну их, пироги эти? Ребята зайдут, а ты тут со своей стряпнёй! Чё вот подумают?

– Ой, да чё они подумают! Угостятся пирожками, да и пойдёте с Богом! Подумаешь, часом раньше или часом позже отправитесь, тайга ведь от вас никуда не денется. Крестик-то Витька не забыл хоть? Сколь раз тебе уж говаривала, надень на шею и никогда не сымай! Черти,

они так и стерегут – только крест снял с себя, сразу норовят в бесовский стан затянуть, чтоб по-ихнему жил, да чтобы после смерти напрямик к ним в ад!

– А я тебе сколь раз тоже говорил, ругаются учителя! – незлобиво огрызнулся Витька. – Особенно классная наша, коммунистка Калерия Максимова, та больше всех за это лается, богомольным меня обзывает. Говорит, дескать, бабка у тебя сектантка, и ты туда же. Грозит, когда в девятом классе всех в комсомол принимать начнут, то меня на пушечный выстрел к комсомолу не подпустят...

Бабка Матрёна промолчала, сделала вид, будто не слышала Витькиных слов. Он же, супротив сказанного, послушно нашёл на этажерке крестик и надел на шею, потом попросил бабку, чтоб разогрела оставшуюся с вечера гречневую кашу. Доев её, занялся основательно рюкзаком, рачительно подходя к каждой укладываемой в него вещи. Лишнего в дорогу брать не стоило, тяжесть ему не нужна, и наоборот – то, что при случае пригодилось бы в походе, старался не забыть. Вскоре каждая вещь заняла своё место, и он тайком от бабки слазил на чердак, сказавшись, что пошёл в уборную. С чердака за пазухой принёс в дом обрез ружья и несколько патронов, заряженных крупной и мелкой дробью. Всё это незаметно сунул глубоко в рюкзак. И хоть автобус опаздывал и пока неизвестно, придёт ли он с утра вообще, Витька, почему-то уверенный в том, что ребята вот-вот появятся у дверей, стал одеваться в походное. В доме тем временем распространился вкусный, дразнящий аппетит запах жареных пирожков на настоящем постном масле. Бабка приоткрыла дверь на улицу, и аромат наверняка уже вскоре оказался за пределами двора да загулял по деревне.

– Тук-тук! – сказал кто-то громко и весело, одновременно стукнув в дверь. – Мы на запах пришли! – вслед словам раздался на крыльце звонкий ребячий смех. Витька понял, что приехали городские ребята, бросился встречать, на ходу натягивая через голову полувоенную рубаху с накладным карманом.

– Витька, гости к тебе! – запоздало крикнула бабка, когда Витька, уже распахнув дверь, сильно, по-мужицки жал городским пацанам руку.

Тех, которые позавчера ночевали у него, было так же четверо, за ними стояли две симпатичные девушки, их Витька увидел впервые. Он смутился, густо покраснел, а кроме того, не зная, протягивать или нет девушкам для пожатия руку, как и пацанам, пришёл в ещё большее замешательство. Выручила бабка, заметив, что внук не в себе. Бросив жарку, она подошла к девушкам, проводила в комнату и там усадила к столу.

– Скоро, девчонки, пирожками накормлю, – ласково пообещала она. – Знаю, в городе таких уж нет, не стряпают или не умеют, в магазине готовые берут. А ведь магазинские разве в какое сравнение войдут с моими-то? Да не в жисть...

Бабкины пирожки и в самом деле были очень вкусные. Ребят, голодных с дороги, не пришлось уговаривать. Сложив вещи в углу, они за милую душу стали уплетать стряпню, запивая козьим молоком, которое было поделено из кринки между ними поровну и каждому досталось почти по гранёному стакану. Закончив дела, хозяйка села в сторонке, помолчала, повздыхала и заговорила с девушками:

– Парни-то ладно, в тайгу наострились, Витька сводит, лес-от он знает, не впервой ему. А вы, девки, хоть понимаете, куда пошли на равных то с ними? Там ведь мамок нету, вместо мягкой постельки лапник еловый, а задожжит – так до нитки сразу промокнете!

– Не беспокойтесь, бабушка, эти девчонки боевые, они ещё нас, парней, за пояс заткнут! – ответил за девушек парень, которого звали Пашкой. С виду он выглядел постарше остальных. Кроме этого, угадывалась в парне дюжая сила, его рабочая куртка едва не трещала в рукавах, когда напрягались бицепсы. По всему видать, Пашка был среди городских ребят заводилой.

– Костёр-то на что? – вставил Витька. – Промокнут, так высушить у огня одёжку недолго. Сказав это, он поднялся, давая понять гостям, что настало время выходить и засиживаться нечего.

– Как хоть зовут вас, девоньки? – заторопилась спросить бабка, поскольку девушки, поблагодарив хозяйку за пирожки, уже брали из угла свои походные вещи. Ей словно было важно запомнить имена, и она вслух повторила имя одной и другой, а потом попросила назваться и пацанов. Витька смекнул, что бабка, как только они окажутся на улице, обязательно подойдёт к образам, прочтает заздравную молитву, попросит о спасении всех Богородицу.

Девушек звали Ася и Женя, чёрненькая и светловолосая. С чёрными как смоль волосами, стройная Ася приглянулась Витьке, но заметив, как она часто, подолгу глядит на Пашку – тот ей явно нравился, – решил, что об этом никто не должен знать, кроме него...

Ребята, нагруженные тяжёлыми вещевыми мешками, палаткой и другими разными мелочами, утяжелявшими их бездонные карманы, шагали по прямой улице, с ходу заводившей их в густой хвойный лес. Они уже миновали последний двор, как тут за изгородью раздался, неприятный, дребезжащий голос, Витьку окликнули:

– Далеко ли собрался, Витька?.. Знамо мне куда, знамо. Погоди-ка, сказать тебе что-то хочу – может, опосля передумаешь.

Скрипнула калитка, из неё вышла к ребятам женщина средних лет. В ней не было, на первый взгляд, как будто ничего такого необычного: одежда, какую носят в эту пору деревенские – потрёпанное тёмное платье, чулки, грязные галоши, на голове платок неопределённого цвета, повязанный по-старушечьи, наглухо закрывающий волосы. Но вот в её глазах, ежели хорошо присмотреться, пронзительных и в какой-то мере даже зловещих, чувствовалась обворожительная сила, могущая наводить на людей необъяснимый страх. Примерно это сейчас испытали Витька и остальные ребята.

– Чего тебе, Агаша? – нарочито грубо спросил он, отведя, однако, глаза в сторону. – Идём и идём по своим делам. Если тебе очень интересно, так в поход вверх по Бадьюшке.

– А ты ведь, Витька-а, бре-еху-ун, – со странной улыбкой, растягивая слова, произнесла Агаша, при этом дробно рассмеялась, от чего ребятам сделалось ещё больше не по себе. – За сокровищами собрался? Так знай, тебе сокровища земля так просто не выдаст, зря тебя Фёдор на такое дело подбил, себя и парней с девками погубить можешь.

– Да будет тебе, Агаша, страшать нас! Сказано же, что в поход. На кой нам сокровища, придумала тоже...

– Строптивный ты, Витька, своевольный, как мамаша твоя, потеряшка, беспутая была. Карта ведь у тебя за пазухой спрятана, та, которую Фёдор дал. Запомни, Витька, мои слова: не ходи туда, куда человеку ходить не следует! Поздно ли, рано ли, этого сказать тебе не могу, но ты их помянешь...

Сказав то, что хотела, Агаша повернулась и как будто растворилась в воздухе, мигом скрывшись за глухой калиткой. Ребята, с полминуты постояв в смущении, молчком двинулись к лесу, и вскоре, сойдя с грунтовой дороги на тропу, растянутой цепочкой вошли в лес. Первым, как и положено, шагал всё знающий проводник Витька, за ним девушки, следом Пашка, а уж за ним, попеременно обгоняя друг друга, трое парней: Вадик, Сева и Вовка, – последнего городские ласково кликали за невысокий рост Воськой. Не по годам маленький, он вынужден был часто семенить короткими ногами, чтобы не отставать. Примерно через километр вышли на солнечную полянку, где Витька неожиданно остановился и сбросил с плеч на траву вещмешок.

– Привал сделаем недолгий, сядем, покалякаем. Я кое-что вам покажу, покумекаем вместе, куда нам дальше податься, – объявил он, доставая из-за пазухи газету с вложенным в неё плотным листом бумаги – той самой, что подарил ему накануне пьяница Фёдор.

Заинтригованные столь неожиданным предложением, городские ребята, уже горя любопытством придвинулись к Витьке. Он, осторожничая, развернул газетку, перед глазами пацанов и девчонок появился листок с нарисованными на нём, непонятными пока что обозначениями.

– Это карта, – помолчав, сообщил Витька, и сразу возбуждённым голосом принялся объяснять то, что понимал, глядя на карту сам. При этом он горячился так, как будто уже кто-то из них усомнился в её подлинности и ценности. – Вот смотрите, путь на ней обозначен пунктиром и ориентирами, а эти знаки показывают, где были найдены алмазы в давние времена, где были пробиты шурфы для их добычи. Проще говоря, широкие и глубокие дыры в матушке-земле, неужели непонятно вам?!

– Сокровища Флинта! – пошутил Вадик.

– Какого ещё такого Флинта?! – взъелся Витька. – Никакого Флинта не знаю, Фёдор ни чё про такого не говорил! Нашишь он тут нужен, ваш Флинт!

Услышав такое от проводника, ребята, многозначительно переглянулись между собой и невольно расхохотались.

– Видно, книгу «Остров сокровищ» ты не читал, – снисходительно заметил Вадик, смеясь, и этим, похоже, окончательно рассердил Витьку, так как тот поспешно сложил карту вчетверо и начал прятать её в газету.

– Не хотите верить – не надо, сам без вас схожу следующим разом! – сказал Витька решительно. – Только вы потом об этом пожалеете! Я ведь вас и сейчас бы не потащил за собой, просто одному несподручно: надо в яму лезть, кому-то надо наверху быть для страховки, а кому, может, ещё и на стрёме стоять.

– Да, ладно, Витёк, не сердись уже! – цыкнув на парней и девчонок, вмешался в разговор Пашка. – Вот напали на деревенского пацана! Подумаешь, не читал он такую книжку, так что теперь? Мне вот уже скоро семнадцать, а я ещё ни одной книжки не прочитал. Про Флинта только из кино знаю, в детстве смотрел, нормальная кинешка про пиратов, поэтому и запомнилась. Давай, толкуй дальше, не обращай ни на кого внимания, ещё кто-нибудь пусть только пикнет... – Пашка посмотрел строго на своих, ободряюще похлопал Витьку по плечу, и тот снова развернул листок.

На сей раз все серьёзно настроились изучать вместе с проводником мелкие рисунки, изображающие деревья, камни, холмы и блуждающие между ними чёрточки. Девушкам это занятие показалось скучным, они не приняли в нём никакого участия, а, чтобы не терять время зря, бродили в это время по полянке, собирая грибы, их по краю леса росло тут великое множество. Начавшийся тихо разговор над картой, становился всё громче и грубее, не обошлось без мата. Ссоры, однако, не намечалось, скорее наоборот. Заражённые одной общей идеей во что бы то ни стало отыскать алмазы, сказочно потом разбогатеть и превратиться в знаменитостей, ребята прониклись доверием к друг другу и ни о чём другом уже помышлять не могли. Всё, что намечалось раньше: пройти в верховья реки и спуститься обратно на плотах, – им казалось теперь мелким, просто бессмысленным занятием. И если бы, к примеру, предположить, что вдруг проводник Витька во второй раз в этом жарком разговоре попытался бы изменить решение, хотя бы словесно отказавшись от алмазов, и вернулся бы к прежнему маршруту похода, то неизвестно, чем бы такой финт для него самого закончился. Самое простое, так это у него, может, отобрали бы карту, а в худшем случае могли ещё и побить...

– Эй вы, мальчишки! – крикнула Ася, приподняв с Женей за обшлага брезентовую куртку, наполненную грибами. – Хватит вам уже там материться, лучше скажите, что нам с грибами делать. Мы их собрали очень много, и всё, как по заказу, чистые, крепкие боровики.

– Да на кой чёрт они нам! – ответил Пашка за всех голосом радостным и возбуждённым. Чувства настолько переполняли его, что он выразительно чиркнул себя ребром ладони по горлу. – Тут, девчонки, грибов завались везде! Во – по самое горлышко! Выбрасывайте эти на поляну, белки подберут, спасибо вам скажут, они как раз заготовки на зиму делают.

– Не, не надо выбрасывать, хорошие белые грибы не всегда семьями попадают. На ночёвку отсюда недалеко встанем. Я из грибов такую вам шикарную губницу сварганю, что язык запросто проглотить можно! – пообещал Витька. – Мы сейчас пройдем ещё с километр,

там Бадьюшка течёт, переправимся через неё и дальше уже не пойдём, заночуем. На сегодня хватит того, что прошли, слишком поздно из дому отправились. Пока за два раза переправимся туда-сюда, а время уже к темну, смеркаться начнёт. Ночи ведь длиннее стают, за середину августа перевалило всё-таки.

Ребята молчанием выразили согласие и стали нагружаться вещами, которых у каждого было взято с собой, судя по тяжёлым вещмешкам, много. Потом, вытянувшись так же, как прежде, в цепочку, пошли и, как показалось Витьке, бодрее, чем до привала...

*** **

Речка встретила их недовольным ворчанием. Неширокая, зато с крутым норовом, когда и от кого неизвестно получившая странное название, Бадьюшка крутилась в нескольких местах на быстрине, образуя большие и глубокие воронки. Прямо перед ребятами она с глухим рокотом ныряла краем под берег, уходя на крутой поворот за скалу.

– Н-да, – озадаченно произнёс доселе молчавший Воська. – Как мы через неё, тут же, наверно, так глубоко-о...

– Да уж не мелко, – подтвердил Витька. – Вишь, как крутит. Только нам фига ли её бояться, у меня тут лодка в кустах спрятана! Груз скидывайте, да пойдёте кто-нибудь двое со мной, подсобите лодку на воду спустить.

Помогать ему вызвались Пашка с Вадиком. Втроём они прошли с десятков метров по берегу, потом углубились в лес и, спустя несколько минут оттуда притащив лодку, спустили её на воду. Девчонки с опаской поглядывали на вертлявую, утлую посудину, не отваживаясь пуститься на таком судне в плаванье. Эта жалкая лодчонка внушала им страх.

– Скидывайте лишнее шмотье и рюкзаки в кучу, сначала это и вон тех трусих переправим, – скомандовал Витька, кивая на испуганных девчонок.

И чтобы всем доказать своё умение управляться на течении с лодкой, что плыть с ним вовсе не опасно, он заскочил в неё один и, ловко орудуя веслом, проплыл до другого берега и вернулся обратно. И хотя убедить в безопасности таким поступком девушек до конца не удалось, они, посмотрев, как Витька, петляя, уверенно провёл посудину между воронками, всё же доверились ему и плыть согласились. Правда, не обошлось без маленьких приключений: пока добрались, дважды зачерпнули воды через борт. Кроме, того насмерть перепуганным девушкам под ободряющие крики проводника пришлось беспрестанно вычерпывать ладошками воду, обильно сочившуюся сквозь худое дно. Примерно через час за два раза проводник перевёз всех. Пацаны дружно вытащили лодку на берег и спрятали в кустах.

– Так надёжнее будет, – сказал Витька, убедившись, что её ниоткуда не видно. – Никто теперь не увидит, нам же ещё обратно переправиться надо.

– Да кому она тут нужна! – ухмыльнулся Сева. – В деревне вашей мужиков-то, наверно, раз-два и обчёлся, одни старухи живут.

– Э-э, Севка, не скажи, проверено уже. Чёрт его знает, кто её всё время берёт! Бывает, оставляю открыто на берегу, а потом рыскаю хожу. То вверху метрах в трёхстах лежит на боку, то вниз по реке примерно столько же. Вот какому лешему это надо?!

– Так лешему и надо! – встрял в разговор Пашка. – Его проделки, он завсегда в таких местах сидит.

– Бабушкины сказки! – съязвил Севка и зачем-то хвастливо, с выражением продекларировал Пушкина «там чудеса, там Леший бродит...» – В наше время, Пашка, нечистые не живут...

– Эй, вы там, надо же палатку поставить и о животе позаботиться, скоро жрать захотим! – издали крикнул Вадик. В руке он уже держал топорик, готов был идти вырубать колья для натяжения палатки.

– Палатка – это здорово! Ни разу ещё в палатке не спал! – восхитился Витька. – Я, мужики, так предлагаю нам распределиться: Сева с Воськой и Вадиком палаткой займутся, Ася

с Женей пойдут к речке грибы и картошку чистить, а мы с тобой, Пашка, дров на костёр заготовим побольше, чтобы по темноте не бегать потом, чтоб до самого утра хватило огня. В тайге без огня никак нельзя! Мало ли, зверь какой забредёт: будет огонь – так уж точно не сунется к палатке. Ну что, если все со мной согласны, тогда погнались?

– Согласны! – хором крикнули ребята.

Работа закипела. Витька достал из рюкзака выдавший виды походный котелок, величиной вполне претендующий на полновесный котёл, так как в него запросто вошло бы больше чем полведра. Снаружи котёл был покрыт копотью, внутри же выскоблен до блеска. Девушки положили в него с десяток картошек и, прихватив куртку с грибами, тотчас пошли к реке. Вадик, далеко не отходя, принялся срубать толстые ветки с ели, нарушая тишину. По лесу понёсся стук топора. Вскоре к нему присоединился треск валежника – то Витька с Пашкой, словно наперегонки, рьяно взялись заготавливать дрова, вытаскивая из зарослей давно упавшие, высохшие деревья. Не стояли без дела и Севка с Воськой, приступив к раскладыванию палатки. В общем, все были заняты, уже вскоре на небольшой полянке горел жарким пламенем костёр, возвышалась у деревьев палатка, и лишь девчонки пока ещё возились у речки с грибами, но и тех неочищенных оставалось совсем немного, помытая и порезанная картошка была уже в котелке с водой.

– Эй, девчонки, скоро вы там? – поторопил девушек Павел. – Пора бы горячего похлебать, а то что-то живот урчит, бунтует, кишка кишке колотит по башке. Да и душа желает принять грамм по двести винца. Под грибовницу в самый раз будет, Витька, а? Как ты, не против?

– Не, а чё я стану против? Вижу, вы с задумкой собирались. И топор у вас есть, и палатка большая, с шиком, и даже «бухла» с собой взяли.

– Да ещё много барахла такого взяли, какого бы ты никогда во всю свою, Витёк, деревенскую жизнь не увидел! – прихвастнул Пашка. – Фонарик, например, немецкий «дайман», трофейный, сила! Финка настоящая у Вадика немецкая есть в рюкзаке, тоже трофейная, мой транзистор «Меридиан» – шик-модерн, «Голос Америки» запросто ловит. Покажу опосля, поужинаем, всё могёшь в руках своих подержать, мы же теперь кореша, не жалко. Курева «Беломорканала» пачек пятнадцать прихватили, после вина же страсть курить охота! Сам-то куришь, Витёк?

– Да бывает, на рыбалке так всегда курю, если папиросы есть. В деревне-то редко, тайком курю, бабка за версту табак чует. Дома ни разу не курил ещё, боюсь. Бабка может полотенцем так отходить, мало не покажется!

– Ну а вино пивал, Витька? – во весь рот улыбаясь, продолжал допытываться Пашка, заметно подтрунивая над деревенским пареньком. Вокруг них уже собрались ребята и незлобиво посмеивались.

– Нет, вино не пробовал, – честно признался Витька. – Бражку и самогон не раз пивал на праздники и в Пасху. Бабка с ведёрко завсегда ставит, соседей угощает, сама стаканчик опрокинет иной раз, ну и я стырю под шумок, зачерпну ковшом из ведра. С Ромкой – дружкой тяпнем по кружечке, сразу по фигу всё стаёт, глаза в кучку собираются, косые гуляем по деревне, пока Ромкин отец нас за шиворот не возьмёт...

– Ну, мужики, что же мы стоим? Хватит языки-то чесать, ёлки-палки! Давай решим, кому грибовницу варить? – подал голос Сева.

– Я, – с ходу заявил Витька и, не допуская возражений, отрезал: – Котелок мой, значит я и готовлю, потому что испытано, на глаз определяю, сколь соли всыпать. Когда готово, тоже на глазок вижу, пробовать не надо, губы зря только жечь.

Ему никто не стал возражать, скорей наоборот: городские ребята были рады избавиться от хлопот, девочки, не скрывая восторга, даже захлопали в ладоши... Когда общие дела все были пока переделаны, наступило самое время отвлечься от утомительного ожидания горячей похлёбки. Путешественники уже изрядно успели проголодаться и сидение у костра сложа

руки, с частым глотанием собственной слюны, превратилось бы для них в пытку. Пашка предложил сыграть в мяч, и ребята сразу с ним согласились. Витька же, движимый одним чувством ответственности за быстроту приготовления, приступил к варке. Кроме того, надо было умудриться сготовить так, чтоб понравилось всем, а значит вкусно. Варить на костре – хлопотно. Мысленно прикинув, куда ему воткнуть рогатины, чтобы избежать попадания лишка пламени на котелок, он подошёл к небольшой берёзке, срубил и отесал её топором. Сделав гладкую жёрдочку, выбрал на другом деревце толстые ветки и изготовил две рогатины. То и другое оказалось для него, жителя лесной деревеньки, плёвым занятием. Рогатины Витька тут же воткнул в землю – напротив, по разные стороны костра. Подготовка на том закончилась, и он, осторожно водрузив жёрдочку на рогатины с подвешенным на неё полным котелком, с чувством растянулся у костра. В его распоряжении просто так повалиться было всего несколько минут, потом надо почистить и порезать луковицу, положить в кипящий бульон пару листиков лаврушки, ну и главное – не забыть в самом конце в норму посолить. Сначала Витька с интересом понаблюдал за тем как Вадик, раздувая щёки, наполняет воздухом волейбольный мяч, затем перевернулся на спину и уставился в небо. С раннего детства пропадая подолгу в лесу, он почти безошибочно научился предсказывать дождь. На этот раз, ничего подозрительного не заметив, подумал, что скоро уже станет смеркаться и хорошо бы к темну с ужином закончить... Но вот в котелке забулькало. Душистый аромат грибов заполнял полянку, и Витька поднялся. Достал из кармана всё ту же, свою любимую дедовскую деревянную ложку. Прикрывая от нетерпимого жара лицо свободной рукой, помешал варево. Он давно знал, как бывает обманчиво давать долго кипеть похлёбке. К готовке на костре подход должен быть особый, упустишь момент – считай, картошка полностью разварится, превратится то ли в пюре, то ли кашу. Вкус от этого, конечно, пропадёт.

– Эй, повар! – окликнул Пашка. – Жратва скоро будет? С голодным животом игра что-то не очень у нас идёт!

– Скоро уже! – осердился Витька. Не любил он, когда подгоняли, однако, сделав паузу, после ответил вполне миролюбиво: – Через пару минут чтобы все были возле костра в полной боевой готовности, с чашками и ложками. Да сходите кто-нибудь покудова к речке, там я кусты смородины видел, надерите листьев на заварку, чай заварим листом. Небось никогда и не спробовали такую заварку? Только, слышь, листочки от молодых побегов берите, нежные.

Послушно бросив игру, парни и девушки заспешили каждый к своему вещевому мешку за посудой.

– Во, видал? – вертя бутылкой портвейна возле глаз Витьки, похвастался Севка. – Ещё сухое есть, нашим девчонкам взяли, и для нас, мужиков, водка.

– Что ж, штука, наверно, хорошая, – кивнул Витька. – Попробуем сейчас под горячее.

Поднявшись на ноги, он попросил Севку помочь, и они, соблюдая осторожность, сняли закоптившуюся жёрдочку с рогатин вместе с опасно бурлящим, парящим котелком и опустили на ровное место. Вокруг сейчас же началась суматоха, каждый старался налить себе первым.

– Ша! – скомандовал Павел, и все враз присмирели. – Давайте-ка по одному, а то чего доброго обварится кто-нибудь. Со своей тарой подходите к Витьку, он сам всем нальёт по справедливости, никого не обделит. Так ведь, Витёк?

– Так, так, – подтвердил Витька. – Подходи по очереди, девчонки первые...

Посудины у городских ребят под грибовницу нашлись самые разнообразные. Витька, используя вместо половника эмалированную пол-литровую кружку, рискуя обжечься, наливал вкусно пахнущую похлёбку во что угодно: в банки, чашки и такие же какие у него эмалированные кружки, только меньшего размера. Последним к нему подошёл Воська:

– У меня ничего нету, – угрюмо сообщил он.

– Фурагу подставляй, туда налью! – сострил сначала Витька и тут же исправился, пожалел паренька. – Ну а ложка хотя бы есть у тебя?

– Ага, ложка есть!

– Хорошо, ложку не забыл взять, а то пришлось бы мне из берёзы мастерить для тебя, время тратить. Ладно уж, со мной вместе хлебать будешь из котелка. Чё в нём останется, то всё наше.

Последним за похлёбкой подошёл Пашка, и на нём раздача закончилась. Витька, держась ближе к Воське, подсел к ребятам на траву возле аппетитной снеди, разложенной девушками на чьём-то застиранном, но чистом покрывальце, больше напоминавшем цветную тряпку. Тут были нарезанный крупными ломтями чёрный хлеб, две открытые банки любимых Витькиных консервов «кильки в томате», несколько плавленых сырков, луковицы и литровая банка солёных огурцов. Поодаль на траве лежали две бутылки сухого вина «Рислинг», одна портвейна и ещё одна бутылка розового дешёвого вина, за рубль семь копеек, под названием «Волжское».

– Мужики, а стакан где? – спохватился Пашка. – А ну, Севка, пошарь-ка в своём рюкзаке! Я, кажись, тебе поручал тару взять под вино. Если не взял, то морока нам будет, придётся из горла лакать, кружки ведь под жратвой заняты!

Стакан Севка, на радость всем, взять не забыл. Гранёный, с полоской сверху, обозначавшей двести граммов, широко в народе используемый. После полоски вошло бы ещё пятьдесят граммов, просто не каждый мужик рискнул бы выпить сразу четвертину водки, обычно крепкие на выпивку залпом выпивали по двести граммов. Полоска в таких случаях играла не последнюю роль, помогая страждущему выпить и не ошибиться, не хватить лишка.

– Может ты, Севка, разольёшь, у тебя рука и глаз верные? – предложил Вадик, и другие пацаны согласились.

Последние две-три минуты, пока открывали бутылки, показались томительными. Голод подгонял, хотелось скорее съесть всё, на что падал взгляд. Но конечно, так уж было заведено: сначала надо выпить, а уже потом закусить, и потому терпели. Девчонкам в этом деле всегда делалось исключение, им разрешалось не соблюдать неписаных правил. Они, не оглядываясь на парней, обе уже начали осторожно прихлёбывать вкусно пахнувшее варево...

В наступивших сумерках всё было кончено. Импровизированный стол опустел, вино выпито, девчонки сидели и от усталости и сытости то и дело зевали, не прикрывая при этом рта, откровенно и громко, заражая сонливостью других. Казалось, вот-вот они уйдут в палатку спать, а вслед за ними потянутся остальные.

– Эй, что ж вы все как сонные мухи? Неужели так сильно устали, время-то вовсе ещё детское! – попробовал расшевелить ребят Витька, пожалуй, единственный пока сохранявший бодрость, спать ему нисколько не хотелось.

На свой окрик оживления среди ребят он не дождался. И чтобы вывести их из сонливости, решил рассказать то, о чём они просто не могут знать, живя в большом городе. Мало там судачат про деревенских колдунов, потому как не верят в тёмные силы.

– Хотите, я вам про нашу Агашу расскажу? – громко спросил он ребят, и те сразу встрепенулись у костра и, кто уже лежал, сели.

– Это про ту бабу, похожую на ведьму, которая нам жути гнала, когда мы из твоей деревни выходили? – спросил Пашка.

– Ага, только она не ведьма. У нас её никто не боится. Считают, конечно, колдуньей, но больше доброй, чем злой.

– Интересно, что это можно про неё такого рассказать? – равнодушно произнесла Женя, однако ближе подвинулась к Витьке. Уже веяло холодком, она ёжилась. – Ребята, подкиньте в костёр, что-то прохладно мне стало.

– Это от речки холодом тянет, – пояснил Витька. – В низине всегда вечером так, ну и время уже давно ведь за середину августа прёт, чё хорошего-то ждать? Того и гляди заморозки ударят.

Витька потянулся к куче дров, но его опередил Воська. Щедро подкинул в затухающий огонь сухих веток, а сверху водрузил трухлявый пень. Костёр весело затрещал, пламя рвануло вверх, освещая горящие любопытством, покрасневшие лица ребят и растущие поблизости мелкие, сорные деревца.

– Ну давай, давай, Витёк! Не тяни кота за хвост, выводи на чистую воду Агашу, – поторопил Пашка. – На-ка вот, засмоли, да начинай!

Он широким жестом, по театральному протянул проводнику недавно початую пачку «Беломорканала», заодно дал закурить и городским друзьям.

– Короче, Агаша давно уже не в себе, ещё смолоду. Сам я, понятно, молодую её не застал. Соседи сказывали, что пошла она однажды девчонкой в лес, да и пропала там. Долго её всей деревней искали, только вышла Агаша сама. Появилась среди белого дня на улице, лыбится во весь рот, одежда в клочья, исцарапанная вся. Люди кто в чём побежали встречать, смекнули сразу: не в себе она, умом свихнулась...

У Витьки погасла папироска, и он сделал вынужденную паузу. Вадик тотчас услужливо поднёс ему зажжённую спичку, но Витька, с укором взглянув на него, ловко достал из огня горящую ветку. Когда-то дед только единожды втолковал ему, и он навсегда усвоил, что прикуривать спичкой у костра в лесу – это кощунственно. Ведь иногда при разных бедственных обстоятельствах, случавшихся в тайге, спички бывают дороже золота...

– Ну и вот, – продолжил рассказ Витька, пустив изо рта облачко дыма. – Бабы охают-ахают, а она возьми да скажи им: я, мол, послана вам с неба, предсказывать судьбу и творить добро. Бабы жалеют её, плачут, и никто, конечно, слова её во внимание не принял сначала, пока мало-помалу Агаша не стала проявляться как знахарка. Мало ли что случилось с кем, то у ребёнка грыжа, то «рожа», а кто зайкой стал, всех она выправляла, лечила заговором, ей одной известным...

– Ой-ой, эка невидаль! – перебил Пашка. – Таких ворожеек много, мне маманя сказывала, в её вятской глухомани были такие, так же детей избавляли от рожи.

– Постой, Пашка, не перебивай! Вечно ты встрянуть норовишь! – остановили Пашку девчонки. – Давай, Витя, дальше – мы во внимании!

Витька тепло посмотрел на них, может чуть дольше задержав взгляд на Асе.

– А кроме того, что Агаша лечила детей, она ещё девкам женихов сулила, где мужичка заарканить и как. Но самое главное, деревенским помнится один случай, от которого до сих пор у наших в деревне мурашки по телу бегают. Лет эдак пять назад задавился парень...

Витька тут кашлянул, видно собираясь с мыслями, замолк, и как раз в этот же момент, словно кто-то, специально подгадав время, предопределяя непременный страх, пустил по верху поляны птицу. С наступлением темноты она показалась ребятам огромной, таинственной и зловещей вестницей беды. Витька невольно вздрогнул сам, а ребята, как стадо напуганных овец, сгрудились возле него, и он уже засомневался в том, надо ли ему рассказывать сейчас в темноте обо всём. Но тотчас же справившись, спокойно заговорил дальше:

– Сова это или филин, точно не рассмотрел. Не дрейфь, девчонки, мышковать хищница полетела, она ночами кормится, днём потому что слепа. Слушайте, я до конца уж расскажу про висельника, страшновато кому-то покажется, зато, думаю, интересно... Ну так ладно, задавился парняга и задавился, чего среди людей не бывает. Но вот надо же, какой-то нашёлся дурак – надоумил ведь отца этого парня-висельника, положить ему в гроб верёвку, ну на которой вздёрнулся-то. Все непонятки после похорон из-за этого и начались! Сначала-то, конечно, покудова не разобрались, на верёвку никто ещё не грешил. А уж потом дальше, опосля похорон, несколько раз деревенские слышали – там, на большаке за улицей, как будто бы телега

ночами туда-сюда носится с лошадьми. Скрип тележных колёс доносился, топот копыт, храп лошадиный, ржание и, как после оказалось, самое главное – свист слышали, который ни с чем не перепутаешь, как будто хлещут плетью по лошадиному крупу, погоняя, понуждая лошадку скакать крупной рысью или галопом. Не знали уже, куда деваться от страхов. Собрались, пошли по принуждению две самые смелые бабы к Агаше, просить её, чтобы разобралась. Та захохотала над ними, в курсах потому что была наверняка, и ничего не пообещала им, так они и ушли не солоно хлебавши. Народ в деревне спрашивал у них, что да как. Отвечали, что не поняли ничего, бормотала Агаша себе под нос, заговаривалась. Ну и вот тот день, когда бабы ходили, закончился, ночь наступила, и случись одному мужику деревенскому Трифону на двор среди ночи выйти, отлить. До уборной далеко, да и чё туда ходить, отлить ведь только. Сыт и по стононам шарит, и тут видит – Агаша в сторону большака пошла...

Витька замолчал и оглядел ребят, пытаясь по лицам узнать, не струхнули ли те окончательно, памятуя, как они ещё раньше птицей были напуганы. При тусклом свете уже опять затухающего костра ничего не заметил кроме того, что Асю обнял Пашка, а Женю Вадик. Другие пацаны курили, глядя задумчиво в костёр.

– Чего ты всё – большак и большак, – подал голос Севка. – Хотя бы сказал, кого большаком в деревне зовёте...

– Дурень! – обозвал его Воська. – Книжки надо читать. Большак – это точно дорога, только вот сам не знаю какая.

– Значит, тоже дурень! – хихикнул Севка.

– Ну хорош вам болтать! – прикрикнул Пашка. – Пушай дальше рассказывает, на самом интересном, блин, базар устроили!

– Большак для нас, в деревне, любая дорога, – охотно принялся объяснять Витька. – Ну, конечно, та, которая ведёт в город или куда в посёлок, но не в лес. Поняли?

– Понятно, чё не понять, проводник! – за всех сказал Пашка и, рассерженно цыкнув слюной сквозь зубы в костёр, несмотря на близость девчонок замысловато вдобавок матюкнулся.

Витьку Пашкин мат при девушках задел за живое. Чего греха таить, Витька и сам крыл матом, но никогда не позволял этого при девушках или дома в присутствии бабки. Он назло Пашке не стал спешить. Словно испытывая его терпение, попросил у него же папиросу, закурил, а потом уж снова продолжил про Агашу:

– Мужик тот, Трифон, любопытным слыл, не раз попадало ему за это самое по сопатке. Он, конечно, тут же задумал проследить за Агашей. Так за ней в кальсонах и попёрся. Огородами, огородами, не выпуская её из вида, шагал следом к большаку. И вот тут, как Трифон, после всего ополоумевший, рассказывал, вскоре главное действие началось... Подождал, говорит, где-то с полчаса за кустами. Слышу, мол, конь храпит, топает за поворотом и резво вылетает на прямую. Агаша выскакивает коню наперерез, и тот враз на дыбки перед ней. Он в телегу был запряжён, а вожжи у ведьмы. Одной рукой вожжи держит, а в другой руке у неё верёвка, и она ею хлещет по коню со всей своей дурной силой. Ведьма Агашу-то как увидела, затряслась вся, а Агаша недолго думая вырвала из ведьминых рук верёвку, да энтой верёвкой по ней, по ведьме, значит, раз ли, два ли звезданула. Взвыла ведьма, по имени Агашу называет, просится отпустить коня – покататься, мол, в преисподней взяла. Агаша напоследок ещё разок нечистую огрела да пошла от большака с верёвкой-то, а конь развернулся да назад туда, откуда прискакал, ну и, конечно, ведьма тоже в телеге с ним за поворотом скрылась. Агаша, глазами проводив их, тем же путём в деревню возвратилась, сразу подошла к тому двору, где висельник раньше жил, и швырнула верёвку во двор... Вот вся история, что с Агашей была, а мужик тот, Трифон, я уж сказал вам, полоумным стал и седым, всё одно что лунь. Утром верёвку ту нашёл во дворе отец висельника, удивился, конечно, деревенским показывал. Ему, оказывается, в ту же ночь сын покойный приснился: спасибо, говорит, папаня, что верёвку

забрал, очень больно, говорит, меня ведьма стегала ею... Всё, конец, пацаны. Поняли, наверно, что конь, получается, он и есть сам висельник...

– Ой, страшно как! Зачем ты, Витька, только рассказывал это нам на ночь глядя, – спустя некоторое время, прошедшее при гробовом молчании, тихо, почти шёпотом, сиплым голосом проговорила Женя.

– Да уж страшно, что ли? – захорохорился Пашка. – Сказка это, такого не бывает! Бабушка Витьке, наверно, рассказала, а он нам тут жути нагнал.

– Хотите верьте, а хотите нет! За что купил, за то и продаю, – пожал плечами Витька. – Ты же сам, Пашка, подбивал меня рассказывать, а теперича тянешь.

– Может, спать, ребята, пойдём, а то у меня такое чувство, вроде сейчас ко мне кто-нибудь страшный из кустов лапу протянет и схватит, – снова просипела Женя, уже теперь жалобно.

– Пойдём! – сейчас же поддержали её Воська и Вадик, сказав это одновременно. – Куда-то даже вино из башки моей смылось, тверёзый после Виткиной сказки стал как стёклышко, – добавил Вадик.

– Э-э, мужики, так не пойдёт, мы чаю с малиновым листом не попили. Пока не попьём – не ляжем. После чая теплее будет спать, – возразил Витька. И предложил кому-нибудь пойти вместе с ним к речке, вымыть посуду. На это охотников не нашлось, он стал собираться один, складывая кружки с ложками в котелок.

В последний момент, когда Витька уже повернулся к речке, вызвалась идти с ним Ася.

– Я с тобой пойду, Виктор, – сказала она, освободившись из объятий Пашки. – Не годится оставлять посуду невытой, вдвоём мы её мигом ополоснём. Да и надо же нам из чего-то чай пить, кружки ведь все грязные!..

Пашка проводил подругу ревнивым взглядом, однако с места не сдвинулся, не пошёл за ней, по-видимому его чувства переборола лень. Берег встретил Виктора с Асей ещё большей прохладой. Река по-прежнему ретиво несла свои холодные воды, чтобы где ни будь там далеко внизу покорившись неизбежному, впасть в более удачливую, глубокую и широкую реку и навсегда исчезнуть. Ася поёжилась, закрыла до конца молнию на «олимпийке». Так называли в народе спортивную шерстяную куртку на молнии и с лампасами по рукавам. Носить такую считалось среди молодёжи особым шиком, только, увы, далеко не каждому эта вещь была доступна. Купить её в обычном спортивном магазине обыкновенному человеку без нужных связей считалось невозможным, а на городских рынках даже втридорога ничего подобного и в помине не было.

– Виктор, а интересно, чем же ты посуду мыть собрался? Мыла нет, стирального порошка тоже. Я так не привыкла, толку ведь от такого мытья в холодной воде никакого не будет, – посетовала Ася.

– Эх вы, городские! Сейчас я тебе покажу, что надо делать, это пустяк. Надо просто набрать горсть песка, видишь сколько его тут под ногами, и никакого тебе мыла, и всю химию к лешему, не надо тут её. Потёрла внутри кружки песочком, ополосни, и так раза два или лучше три повтори. Как у котика яйца, внутри засверкает...

– Чего-чего ты сказал? – хихикнула Ася. – А ну-ка повтори!

– Так бабка моя говорит, – смущённый тем, что ляпнул девушке неладное, ответил Витька.

Благо было темно, а то бы она увидела, как он мучительно покраснел. Витька ниже склонился к воде и с удвоенным усердием принялся драить котелок. У него вывалился из-под рубахи крестик, блеснувший в темноте. Витька поспешно сунул его обратно за пазуху, но поздно, Ася уже заметила.

– Ой, а что это такое у тебя – церковный крестик?

– Да, – помедлив, нехотя признался Витька.

– Ты веришь в Бога?! – очень удивилась Ася. – Тебе, что, никто ничего не говорит?

– Насчёт чего?

– Но ведь ты, наверно, Витя, пока что пионер, или, может, не знаю, ты стал уже комсомольцем, а ведь пионеру и комсомольцу в Бога верить нельзя! Нельзя жить в наше время религиозными предрассудками! – не на шутку вспыхнула Ася.

Её вспыльчивость немного разозлила Витьку, и он, сам от себя такого не ожидая, резко ответил:

– Во-первых, я уже не пионер, а во-вторых, кому какое дело? Бабка моя носит, и я надеваю. Когда только в школу иду, с шеи снимаю, в карман кладу.

– Ну не знаю, не знаю, как-то это очень несовременно, – уже миролюбиво произнесла девушка, после чего у них наступила долгая пауза...

Оставшуюся грязную посуду они думывали в молчании. Был только слышен скрежет песка о металл да глухой разговор ребят у костра. Собрав потом чистые, выскобленные котелки и кружки, набрав до краёв в Витькин котелок воды, так же молчком они отправились обратно. Когда дошли до такого места, где можно было пройти между деревьями по одному, то ли намеренно Ася так подстроила, а может так само собою вышло, но в этом месте они оказались вдвоём, тесно прижатые к друг дружке. Ася жарко и вызывающе глубоко задышала, Витька, едва удерживая посуду в руках, ощущал прикосновение её упругой груди и не знал, куда ему от нахлынувшего смущения деваться.

– А ты ничего, Витька, хоть и богомольный, а парень что надо, крепкий и главное, видно, пока неискушённый ещё, – прошептала девушка.

– А Пашка твой, что ли, не мил тебе уже? – первое, что пришло в голову, ляпнул Витька.

– Ха-ха, Пашка!.. Он вообще кто? Обыкновенная городская шпана, только и знает моих ухажёров дубасить. Всех отвадил своими кулачищами!

Витька сделал попытку протиснуться, но ему это не удалось. Ася намеренно держала его, всё происходящее её сильно забавляло. Она даже несколько раз весело хихикнула. Наконец Витька вырвался и, не удержавшись на ногах, упал вперёд, на траву, уронил посуду и, конечно, разлив воду. Посуда, звякнув, привлекла внимание ребят. Пашка, до того сидевший как на иголках, ревнуя подругу, с кулаками подскочил к ним:

– Ты это чё, деревня?! Аську тут мою вздумал тискать?! Смотри, за подругу я тебе кукушку махом сверну!

– Да успокойся, Пашка! Он ведь не такой, как ты, по себе не меряй, – вступилась Ася.

Витька еле сдержался, с трудом, но промолчал. Будучи от природы парнишкой смекалистым, а по-деревенскому хватким, он прекрасно сознавал, что затеянный им поход за алмазами дело непростое. Ещё перед выходом из деревни он основательно вбил себе в голову, что ссориться с городскими в любом случае не стоит, лучше потерпеть. Тем более если будет назревать скандал из-за девушки, потому как наслышан от взрослых мужиков, ссора по этой причине никогда миром не закончится.

– Ладно тебе ругаться, Пашка! Уронил случайно, теперь невесть что думать про меня, – дружески сказал он и, нагнувшись, стал подбирать посуду.

Пашка как будто успокоился и даже помог ему. Встав на колени, самостоятельно нащупал в густой траве последнюю, дальше всех отлетевшую кружку.

– Сейчас разгрузусь и снова к реке двину, воды зачерпну, – сказал Витька. – Пролил воду, растяпа, угораздило же мне на ровном месте запнуться.

– Бывает, – протянул Пашка, – с каждым бывает. Вместе пойдём, так сподручнее. Я могу и фонарик достать. «Дайман» на шести батарееках, представляешь, как он лучом бьёт! Наверно, до твоей деревни даже достанет.

– Да ну его пока. Месяц вон взошёл уже, малость виднее стало, не упадём...

Не прошло и часа, как ребята напились чаю, а попросту говоря, крутого кипятка, заваренного малиновым и смородиновым листом, благо кустов тут везде было навалом. Погода

стояла безветренная, котелок был пуст, а в воздухе, кажется, до сих пор находился приятный, насыщенный аромат. Где-то далеко от них жалобно кричала иволга. Нет-нет да раздастся шумный всплеск на реке: щука гоняла на мели пескарей и, увлѣкшись погоней, иногда выскакивала наружу, сильно ударяя при этом хвостом по водному зеркалу.

– А вы, пацаны, заметили, ведь странно, что в лесу комаров нет, я и мазь не доставала, – подала голос Женя, до сих пор сидевшая всё время скромно под приглядом Вадика. Под рукой у рослого, симпатичного парня ей было тепло и, главное, надёжно, она чувствовала себя защищённой от страхов.

– Потому что мы у костра сидим, а гнус, тот дыму боится, – сказал Воська, вызвав оживление. Ребята на эту тему даже немного поспорили. Прекратили, когда Витька вмешался, доходчиво объяснив:

– Гнуса нет, и уже не будет до следующего лета, самое время в походы ходить. Во второй половине августа всегда так.

– Да куда ж он подевался? Ещё пару дней назад за шишками приезжали, комары жрали нас за милую душу, – попытался возразить Воська, за что выслушал от Витьки заодно со своими друзьями не только почему именно в этот вечер комаров-мошек нет, а и ещё для чего они существуют:

– Да, точно, они недавно летали, а сегодня ни одного нет, потому что сегодня утром первый заморозок был и, понятно, все личинки ихние, и вся эта кровососная братия живая подохла. Но вообще если рассудить, пацаны, скажу вам, без гнуса живой природе не обойтись. Был я как-то на рыбалке, клѣва нафиг не было, так от нечего делать думал про жизнь и вот до чего додумался. К примеру, убери-ка мошек с комарами с белого свету, чѣ тогда будет? А будет то, пацаны, что рыбе, голавлю хавать нечего станет, да и другой средней или малой рыбе тоже голодать придѣтся. На одних корешках долго не протянуть. Из этого, каков результат может быть, смекайте: мелочи рыбной нету, жратвы хищной рыбе, значит, тоже нету, вот и выходит, в реке рыба не водится, человеку не из чего уху сварганить. Но это ещё не всё. Лягушки, жабы тоже ведь гнусной живностью питаются – личинками комаров, комарами и мошками. И что получается? Ведь даже лягушки пропадут! Кстати, их голавль и таймень с азартом лопают. Но ладно если бы только это. Вы хотя бы там, в городах, знаете, что лягушки водоѣмы и колодцы фильтруют, годной воду делают для питья? Лягушек не станет – вода будет хуже в реках, а также в озѣрах. Всё живое через сотню лет подохнет и больше не заведѣтся. Бабка сказывала, раньше вместо холодильников ледники были, на лето туда с весны лёд закладывали. У кого было хранить что, так туда от тепла на лето прятали, а у кого мясо не водилось, только молоко, такие завсегда обходились лягушками. Кинут во флягу с молоком пару-две квакушек, и оно долго не скисает, потому что лягушка сама по природе хладнокровная, да ещё фильтрует, не даёт всякой мелкой, невидимой глазу заразе разводиться...

Здесь Витька замолк, хотя мог бы продолжать. Просто он никак не ожидал, что произведѣт на городских ребят впечатление. Те, как будто пристыженные, молчали. В наступившей тишине несколько раз ухнул, где-то не так далеко филин, страшно и таинственно. Ребята, встревоженные доселе неведомым звуком, испуганно взглянули на проводника.

– Филин, – коротко пояснил Витька, как и можно голосом равнодушнее, тем самым успокаивая ребят.

– Поганая птица, ей бы только пугать кого дурным уханьем, блин! – выругался Пашка, наверно скрывая за этой руганью испуг. – Ну а про долбаного филина что нам расскажешь, Витѣк? От него-то какая природе польза? Про комаров складно у тебя получилось. Ловко тему подвѣл, даже я поверил.

– А что филин? У нас права такого нету в природе, чтобы его осуждать, ведь это мы у него в гостях, а не он к нам в деревню или в город прилетел...

– Ай, да ну тебя! – не дав закончить мысль проводнику, прервал Пашка. – Совсем уж заговорился. Человек – царь природы, и что он сделает с ней, то, значит, правильно. Куда захочет, туда и ходит, что ему надо – то возьмёт. Может и филина того грохнуть, чтоб не пужал народ зря.

– Мы не можем ждать милости от природы, взять её – наша задача! – торжественно выпалила знаменитый лозунг Ася. – Кто сказал, знаете? Великий учёный селекционер-биолог Иван Мичурин.

Она улыбалась, наблюдая за Витькой, и не только в эту минуту. Парень давно уже её частое внимание к себе приметил, и поэтому старался не смотреть на девушку, сосредоточив взгляд на затухающем костре.

– Эдак-то мы такого натворим... – после паузы задумчиво сказал он. Поднялся, потянулся к дровам и бросил несколько слов между делом. – Кто-то спать давно уже собирался... Пора, наверно, в палатку?

– Расхотелось уже, время ещё детское, – ответила за всех Женя. – Мы из дома от предков рванули не для того, чтобы спать. Так же, пацаны?

– Да! Нафиг надо! К чёрту сон! Рано, рано спать! – загалдели ребята.

Пашка сбегал в палатку, куда уже были сложены рюкзаки, и торжественно держа на вытянутых руках, вынес оттуда никогда раньше не виденный Витькой транзисторный приёмник.

– Я сейчас музон настрою, а вы давайте, кто-нибудь, у кого винишко осталось, занырните в рюкзак и тащите флакон сюда. Бухнём по чуть-чуть, шейк на поляне станцуем на радость местным зверькам!..

Тотчас появилась пузатая бутылка дешёвого «портвейна-733», вино быстро разлили по кружкам и выпили без закуски, в том числе и девчонки. А вот с музыкой, как назло, пришлось повозиться. Паша долго ловил вожделенную иностранную музыку, но ребята слышали из приёмника лишь хрипы, да ещё изредка нет-нет да рвал таёжную тишину чудом пойманный в плотной неразберихе эфира волшебный саксофон, и тогда на несколько секунд все в умилении замирали.

– Пашка, ну, ёлки-палки, долго ты будешь душу рвать?! – первым из ребят не выдержал Вадик. – Лови уже «Маяк», там «Самоцветы» или «Поющие гитары» – ну чем не кайфовая музыка? Как раз под твист, под шейк пойдёт.

– А ты мне, Вадька, не указывай, я знаю, что делаю! Сейчас антенну смастырю, у меня для этого дела целый моток проволоки прихвачен!..

Повесив свой шикарный «Меридиан» на ветку ближней ели, Паша сбегал в палатку. Всего несколько минут ему понадобилось, чтобы соорудить импровизированную антенну. Один конец проволоки он сунул в гнездо приёмника, а другой с третьего раза постарался как можно выше закинуть на дерево. Результат превзошёл ожидания даже иронично настроенного Вадика. Несмотря на большую отдалённость от города, в лесу раздался монотонный, как будто бесцветный голос диктора, сказавшего несколько раз на русском языке, что вещает радиостанция «Свободная Европа». Потом, когда Павел нашупал совсем близко от этой другую волну, с другого далёкого континента на седом Урале заговорил «Голос Америки». Комментатор узнаваемо женским приятным тенорком объявила поочерёдное выступление инструментальных групп: сначала «Вой быков», за ним «Лай собак», и последнюю – «Кровь, пот и слёзы». Под звуки бас-гитар все городские, а с ними и Витька, с диким восторгом сразу затанцевали неведь что. Изгибались, подпрыгивали, падали на колени и при этом громко, дико и непонятно какие слова орали, чтобы только перекричать один другого, пытаясь копировать заокеанских и разных заграничных исполнителей, изображая то известных «битлов», а то неизвестно какого саксофониста, – в общем, кто на что был из них горазд. Причём выделяемые ими телесные кренделя были весьма рискованные и куда там до них в этот полуночник парням из «Битлз» – те бы такого изобразить ни за что не смогли. Девушки в отличие от пацанов были немного

сдержаннее. Изящно дёргалась под невообразимый ритм Ася, Женя змейй вращалась около Вадика – видно, очень желая понравиться.

– Уф-ф! – фыркнул Воська и упал на землю как скошенный стебель.

Следом за ним, словно только и ждали, чтобы сдался кто-то первым, разом попадали другие, уже устав от бешеного темпа. А музыка из транзистора продолжала визжать и хрипеть. Порой из него в самом деле ребятам слышался собачий лай, и не разобрать – был ли это человеческий голос или какой-то инструмент. Наконец волна сама по себе сбилась, неприятный писк заставил Пашку подняться, а следом встали другие.

– А ты ничего, Витя, танцуешь, молодец! – похвалила паренька Ася. – И где только обучился таким выкрутасам?

– В журналах «Крокодил» видал разные рисунки, – смущённо ответил Витька. – Дед мой шибко любил «Крокодил» и меня к нему приучал.

– Хи-хи! – прыснул Воська. – Умора! Я лично в международной панораме по телеку видел. А вот как можно с картинок «Крокодила» что-то себе представить и потом изобразить, просто не понимаю!

Ребята засмеялись, но незлобиво, и Витька, не обидевшись, посмеялся вместе со всеми...

*** **

Перед тем как забраться в палатку, недалеко по нужде разбрелись.

В палатке ещё некоторое время возились, поудобней укладываясь перед сном, и наконец притихли. Было уютно, спокойно ребятам, и уже казалось – ничто их до утра не потревожит, как тут вдруг, когда все впали в сладкую полудрёму, они услышали оглушительный треск и не на шутку переполошились.

– Витя, что это?! – дрогнувшим голосом спросила Ася.

– Что, что, мы же в тайге, дерево сухое упало, вот что! – нарочито грубо ответил Витька, сознавая, однако, что высохшее или погнившее дерево падает не с таким треском, а зачастую бесшумно, да и вообще бывает такое очень редко. «Что же это могло быть? – с беспокойством подумал он. – Ну неужели хозяин тайги пожаловал? Тогда, блин, в палатке нам быть опасно... Нет, скорее всего это не мишка, незачем ему к людям идти, он сейчас до отвала нажравшийся – ягод-то нынче вон навалом везде, хороший год удался для малины. Тогда кто же?..» Витька понимал, что ребята ждут от него сейчас убедительного объяснения, иначе, ежели его не последует, то они не уснут, протрясутся всю ночь, а завтра ходки из них будут никомушные.

– Ни хрена себе, сухое деревцо так громко трещит! – сказал своё слово Пашка, и ему с жаром бросила Ася:

– Да чего ты, Паша, понимаешь! Виктору тут виднее, он ведь натурально вырос в тайге!

– Да спите вы! Вот перепугались до смерти! Дерево, значит, большое рухнуло, другое рядом сломало, вот вам и треск отсюда! – так же запальчиво, как и Ася, прикрикнул Витька.

– А может, это медведь к нам ломится? – не успокаивался Севка.

И он попал этим вопросом в душу проводника, в его болевую точку. Ведь о том же сейчас думал и он. Поначалу Севкин вопрос повис в воздухе. Виктор замялся, обдумывая ответ, но скоро нашёлся, рассказав убедительную историю:

– Да бросьте вы, какой медведь, он сейчас по горло сытый, никого не тронет, даже если лоб в лоб с ним столкнёшься. У нас не так давно случай был. Пошли деревенские бабы в лес за малиной. Зашли в малинник, собирают себе ягодку, сочную, крупную, разбрелись по кустам. Заросли в том месте, я знаю, высокие. Ну и одна, значит, дорвалась, ягоды одну за одной в лукошко бросает. Слышит – с другой стороны куста тоже кто-то старается, аж сопит от усердия. Она окликнула, хотела на хрен послать, – жаль стало малины, посчитала, что её куст: раз первая подошла, она и должна обогреть его со всех четырёх сторон. Окликнуть-то окликнула, но ей никто не ответил. Вот, думает, блин, какая наглая баба с другой стороны её законные ягоды собирает, а ведь ещё своя, деревенская. Решила разобраться, отмазывать как следует.

Зашла за куст-то – батюшки свет, мишка малину прямо пастью своей хватает и хватает, да в её сторону и не смотрит. Обоссалась она и, бросив лукошко, в бега ударилась. А медведь, что ему, как лакомился, так и продолжил. Бабы её потом отчихвостили, чуть космы не выдрали за то, что их не предупредила. В тот же день мужики туда с ружьями ходили, но косолапого, конечно, уже не застали. Только лукошко той жадины нашли пустое, да ещё медвежий помёт. Косолапый и иённую малину тоже слопал за милую душу, а в благодарность кучу ей оставил... Так что спите уж спокойно, не бойтесь мишки, мы ему не нужны, это он зимой страшный, ежели случайно проснётся в берлоге и больше уснуть от голода не сможет. Вот тогда его остеречься надо, тогда встретит – не выпустит из лап, заломает и сожрёт с костями.

Ребята ещё немного поговорили, снаружи возле палатки было всё время тихо, и они, совсем успокоившись, вскоре крепко уснули. Не спалось пока лишь Витьке. Он, пошарив в своём рюкзаке, достал со дна двуствольный обрез и, стараясь никого не разбудить, аккуратно вставил в стволы патроны, заряженные картечью, затем сунул обрез внутрь куртки, свернул её и свёрток положил себе под голову. Ещё немного пободрился, наконец тоже задремал, твёрдо решив перед этим, что обязательно с рассветом сходит туда, откуда был слышен треск, и сам всё разведает...

Ранним утром проводник был первым на ногах. В темноте палатки было слышно сладкое сопение ребят. Хотя он сам ещё был пацаном, почти подростком, а уже по-отечески относился к ребятам, жаль ему было их, городских. Наверно, потому, что они его гости, ну и к тому же в душе Витька, конечно, считал себя опытнее. Да не только в лесу, но и во всех других житейских премудростях. Он мысленно пожелал им, чтобы хорошо выспались, а чтобы стало теплее спать, позаботился, подбросив на угли сразу большую кучу толстых, сухих коряг. Мгновенно вспыхнул и взметнулся вверх жаркий огонь. Убедившись, что пламя никоим образом не достанет палатку, и отметив, что тепло благодаря слабому ветерку идёт прямо на неё, решил, пока они все спят, всё-таки осуществить задумку – выяснить, что стало причиной ужасающего треска. С этой целью Витька на всякий случай вооружился, прихватив из палатки заряженный обрез и даже сняв его с предохранителя, взвёл оба курка. Оружие было грозное. Выстрел из обреза двустволки двенадцатого калибра, да ещё заряженного патронами с картечью, с бездымным порохом, мог с близкого расстояния запросто уложить взрослого матёрого медведя или, к примеру, лося. Однако, доверяя ему, Витька всё же пошёл неторопливо и очень осторожно, смотрел не только перед собой, а ещё справа и слева от себя. От его глаз не ускользнул бы сейчас и самый неприметный кустик.

Впереди на раскидистой ели громко застрекотала сорока и, сорвавшись, стала перелетать с одного дерева на другое, словно указывая Витьке путь. Интуитивно он тронулся вслед за ней, предполагая, однако, что треск ночью как раз исходил именно с этой стороны. Уже вскоре, где-то через два десятка метров, лес стал настолько густым и труднопроходимым, что он даже засомневался, а стоит ли ему идти за сорокой дальше. К счастью, сомнениям пришёл конец, когда Витька с радостью увидел то, что искал. У ещё молодой, но довольно большой и ветвистой сосны была сломана толстая, толщиной с коромысло, ветвь. Зрительно она висела выше его головы, едва держась на тонкой щепе, сияя белизной в месте слома, готовая от малейшего дуновения ветерка совсем оторваться и упасть на землю. «Ну, вот она, – с удовлетворением подумал Витька. – Это она испугала нас чуть не до смерти. Надо бы мне подобраться ближе – можа, увижу, кто тут ворочался...»

Сорока между тем уселась прямо над ним на верхушке и, казалось внимательно наблюдала. Витька не преминул махнуть на хвостатую вестницу рукой, и ответом тому было рассерженное стрекотанье.

– Молодец, молодец! – поспешил похвалить он птицу. – Ты посмотри-ка, к самому ведь месту подвела! Хотя, может, случайно так вышло? А скорее всего, наверно, хитрит сплетница, от гнезда подальше уводит. Вот и подумашь сто раз насчёт её соображения, глупа ли она

на самом деле, или нам, людям, хочется думать такое про неё, потому что, как говорит Пашка, человеки – это цари и хозяйева всей природы. . .

Размышляя, он, шаг за шагом, ломая под ногами валежник и молодую поросль, приближался к цели.

– Витька, Витя! – послышался суматошный девичий крик у костра.

По голосу он сразу определил, что кричит Ася, и отозвался ей сейчас же, хотя и чуть раздражённо – не любил, когда паникуют попусту:

– Чего орать-то, никуда я не делся, буду сейчас!

– Да я же тебе говорил, он отлить пошёл, а может, под кустом посидеть, а ты вся на измене уже! – услышал Витька и, тоже безошибочно, узнал по голосу Пашку.

Сам он тем временем, не останавливаясь, почти уже подобрался к нужной сосне и скоро заорал:

– Ага, нашёл, нашёл! – вот откуда, оказывается, ночью нам послышался треск!

– Откуда, откуда?! – передразнил Витькин говорок, уже подоспевший по проторенному следу Пашка, за ним, бесстрашно пройдя по зарослям, сразу появилась и Ася.

– Бык рогами впёрся, зацепился между ветками, а уж выбраться по-путёвому, бедолага, не смог. Пришлось ему дерево крушить, силушку показывать. Ах и бык тут был здоровенный – не бык, бычище! Ветка, отломанная им, почитай, толщиной-то с хорошее молодое дерево будет! – восхищался Витька, и от избытка радости, по деревенскому обычаю, смачно матюкнулся, с опозданием подумав о присутствии рядом Аси.

Он виновато посмотрел на неё, а та неожиданно звонко расхохоталась:

– А ты, Витька, сам быка здесь видал хоть когда-то? – сквозь смех еле проговорила она. – Я убеждаюсь: ты, оказывается, не только матерщинник, Витька, а ещё сказочник, как знаменитый Андерсен!

– Ася, Ася, глянь-ка, что проводник наш в руке держит! – воскликнул Пашка. – Он же как деревенский бандит с большой дороги! У него обрез! Любимое оружие кулаков, они с такими обрезками против советской власти воевали.

– Да-а, – то ли удивилась, то ли восхитилась Ася, глаза у неё при этом здорово округлились.

Витька, смущённый, будто его только что уличили в краже, немедленно спрятал обрез за пазуху, предварительно поставив его на предохранитель. Однако полностью обрез не вошёл, и приклад угрожающе торчал наружу.

– Это я так, на всякий пожарный случай прихватил с собой, – оправдываясь, и больше всего, конечно, перед Асей, сказал он.

– Ну ладно тебе, успокойся, ты всё правильно сделал. Мы тебя же не продадим! Точно, Ася? – примирясь, заверил Пашка. – Пригодится, может быть, отпугнуть кого, и кто его знает, может, утку на обед подстрелить. . .

Пашка запнулся, потом что-то ещё хотел добавить, но тут его живо перебила Ася.

– Вить, расскажи, мне очень интересно, почему ты решил, что бык ветку сломал? Ты, что ли, на самом деле думаешь, что это был бык?.. – Ася помедлила, видимо подбирая слово, и ничего лучшего не придумала, как, завершая мысль, сказать такое, от чего Витьке невольно сделалось смешно, но он, однако, сдержал смех и лишь снисходительно улыбнулся. . . – Выходит, в деревнях говядина сама по себе в лесу бродит, травку кушает? – договорила она.

– Нет, Ася, этак лось-самца мы быком называем, говядиной здесь и не пахнет. Хотя, кто в мясе не волокёт, то лось тому на столе запросто сойдёт и за говядину. Вот, посмотрите сами, да поверьте уже. Чуть дальше за дерево, где трава не растёт, там следы видать от копыт, да не одинаковые размером, а есть большие, поменьше малость, и вовсе маленькие. Это что означает? А означает то, что прошла ночью по этому месту лосиная семейка, всё как положено: папа-лось, мама-лосиха и их дети-лосята, а может, и один лосёнок, сразу мне не понять. При-

глянитесь получше – видать, не раз уже они тут ходят: вон, в ложбинке, в метре от сосны, целая тропа копытами ихними натоптана. И что только лосю-папаше надо было рога сюда свои всунуть, кто его знает! Наверно, съедобное, чего-то почуял, потому и впёрся. Перепугал нас, зараза!.. Э-э, да вон, гляньте сами на сломанную ветку – волосня евовная там висит, видите?

– Ага, видим, – подтвердила Ася, и следом за ней то же самое сказал Пашка, а голос его прозвучал уважительно.

Торчать дальше возле этой сосны было незачем, и Витька предложил:

– Ну, ежели я вам доказал, так пойдём к костру, нас как на калёных углях небось уже ждут не дождутся – не терпится узнать, чё это мы втроём скрылись от них...

Ребята действительно с нетерпением ждали. Костёр горел большим пламенем, язык поднимался метра на два вверх. Витька, обратив на это внимание, рассердился, но ничего покуда им не сказал. Первым делом слазил в палатку и запихнул обрез поглубже в рюкзак, заодно достал из бокового кармашка дощечку с намотанной на неё удочкой. После чего подошёл с упрёком к ребятам:

– Чё, вам делать больше не фиг, что ли? Ещё нам пожара в лесу не хватало, ведь засуха такая кругом! Дождей в нынешнее лето совсем мало было. В огороде, куда ни взглянешь, сушь. Картошка, и та нынче не уродилась, на полив в колодце воды не хватало.

– Больше не станем подкидывать, – отмахнулся Воська. – Спины решили погреть перед завтраком, застыли перед утром. Скоро всё равно же нам выходить, а вчера столь дров запасли, целую гору жалко стало бросать.

– Ладно, смотрите, чтобы огонь на деревья не перекинулся. Я на рыбалку схожу. Может, клёв будет, так рыбку добуду на уху.

– Я с тобой! – воскликнула первой Ася, а за ней в голос и остальные.

– Не-не-не! – энергично мотая головой, возразил Витька. – Я уж как-нибудь сам! Не люблю, когда за мной наблюдают. Ваше дело воды в котелок набрать, да и шмотки собирать пора. Даст бог, похлебаем ухи и сразу двинем, чё резину тянуть...

Крутя головой, Витька искал глазами подходящую берёзку. Их среди сосен и елей здесь было мало – можно сказать, единицы. Выбрав и затем выломав средних размеров удилище, содрал с него все ветки, привязал к нему с тонкого конца снаряжённую всем необходимым лесу, и получилась вполне нормальная, пригодная для рыбалки удочка. Немедля отправившись к реке, по пути он на минуту остановился возле муравейника. Смахнул ногой верх, подхватил горсть муравьиных яиц и вместе с муравьями и мусором сунул в карман, решив, что если клёва на гамзюка не будет, то попробует ловить на муравьиные яйца. На берегу сперва обернулся к ребятам, наблюдавшим за ним, помахал рукой, вызвав этим в ответ громкий крик. Потом достал из кармана жестяную баночку, в которой раньше находился вазелин, а теперь жирные личинки навозной мухи, и, выбрав самую толстую, насадил на крючок. Потом, соблюдая традицию, плюнул на наживку и закинул удочку подальше на перекат, туда, где, подпрыгивая на камнях, журчала вода. Он знал, что делал, не впервой было искать рыбацкую удачу именно в быстрой воде на мелководе, там должен был стоять голодный и поэтому неприхотливый хариус. Как только Витька забросил, тут же долбануло так, что удилище согнулось почти в дугу и он едва удержал его в руке. От волнительного азарта застучало в висках, и только успел Витька подумать, что это наверняка щука, как именно она, выскочив на секунду из воды, рванула леску на глубину, и та сразу ослабла – рыбина сорвалась с крючка.

– Ишь ты, на гамзюка позарилась, оголодала, сучка! – вслух ругнулся он, доставая удочку. Впрочем, голосом не злым – по-видимому, просто восхитившись величиной и ловкостью сильной рыбины. – Ладно хоть крючок не оторвала, хищница, и на том спасибо! В следующий раз попадётся – уж не уйдёт, а пока пусть себе живёт, я согласен и на хариуса.

Наживив крючок, Витька сделал заброс и попал в то же место, где клюнула щука. И опять не прошло минуты, как вторая мощная поклёвка не заставила долго жать. В этот раз был солид-

ный на вид окунь, его он с трудом вывел-таки на отмель, и тут подцепив пальцами за жабры, вынес от греха подальше на берег. Потом были ещё поклёвки, частые и резкие, но рыба попадалась мельче: сорога, хариус и даже сорные ерши, которых он снимал и выбрасывал обратно в реку, возиться с ними было некогда. Скоро Витька наловил столько, что уже хватало на всех с лихвой, и решил закончить с рыбалкой. У него всегда лежал в кармане складешок – небольшой перочинный ножик, отточенный как бритва, и он здесь же, на берегу, начал чистить улов. К нему от костра доносился оживлённый разговор пацанов, иногда переходивший в крик, о чём-то с горячностью спорили, девичьих голосов отчего-то не было слышно. Витька радовался, что ребята его не беспокоят, что он, занятый делом, мог одновременно, находясь в одиночестве, свободно предаваться не детским порой размышлениям. Городская молодёжь, парни и девчата, всегда казались ему беззаботными неумейками. Эткими, по его представлению, взрослыми, избалованными детьми, и он считал своим долгом позаботиться о них, сделать на совесть, чему научился сам, и, конечно, при нынешних обстоятельствах, в первую очередь накормить получше. И он старался, работа шла уже к завершению: очищенная от чешуи, выпотрошенная и вымытая рыба лежала на траве. Витька с блаженством выпрямил уставшую спину и уж предвкушал восторг, удивление и похвалу от ребят, но тут настроение неожиданно разом испортилось. За елями раздался девчачий отчаянный визг, который сначала заставил его вздрогнуть, потом неприятный холодок пробежал по спине.

– Помогите! Помогите!.. – беспрестанно кричала Ася, и крик её сопровождался пронзительным визгом Жени.

И что было странно и страшно, крик быстро удалялся от палатки. Поняв, что никак медлить нельзя Витька, оставив рыбу и удочку, со всей прытью бросился на зов. Ребята уже тоже спешили девушкам на помощь.

– Пацаны, кучнее держитесь возле меня, а то ещё сами заблудитесь! – на ходу скомандовал Витька. – Кто же их так напужал, волк али рысь?..

Скакали, путались мысли в его голове, когда он продирался через подлесок в ту сторону, откуда слышался визг. Бешеным темпом тукала кровь в висках, и кажется – вот-вот вены не выдержат, лопнут от прилива крови...

Девчонок поблизости не оказалось, и голоса они уже не подавали.

К счастью, скоро на них совершенно случайно наткнулись примерно в полукилометре от места привала. Они сидели на корточках под вывороченным бурей здоровенным пнём, жались к друг другу и тряслись от страха. Сперва ничего выговорить не смогли. И пока не заорал Пашка, издавали бессвязные, непонятные звуки, не похожие на слова. Это он вывел девушек из ступора окриком:

– Чего вы визжали как недорезанные?! Мы чуть с ума не сошли из-за вас!

– М-мы вс-стретили об-боротня... – заикаясь на каждом слове, едва произнесла Женя, и навзрыд разревелась.

– Он напал на нас, укусить хотел меня за ногу! – добавила Ася и вслед за подругой заголосила.

– Может, вам, девки, показалось? – хотел усомниться Севка, тем самым только усилив рёв.

Теперь девчата проливали слёзы уже не только из страха, а ещё от обиды, что им не верят. Вскоре парням это надоело.

– Ну хватит, девчонки! Рассказывайте, что приключилось. Знамо, от страха глаза велики стают! – прикрикнул Витька. – На чёрта, скажите мне, вы зверю нужны? Зверь сам вас боится – он же не дурак, чтоб связываться с такими рёвами-коровами.

Сказав, он подошёл к девушкам и под ухмылки пацанов погладил одну и другую по голове, словно маленьких. После чего, застеснявшись такого неожиданного поступка, рас-

краснелся. Девушки ещё ревели, но уже всё тише и тише, и наконец только принялись всхлипать, начав рассказывать парням про приключившуюся с ними беду.

– Он такой – ну, как маленький медведь, но только не медведь, наверное, хотя тоже на четырёх лапах, косолапый... – сбивчиво пояснила, как смогла, Ася.

– Нет, как будто оборотень это был, он скорей на лохматую собаку больше схожий. Скалит, рычит, блин, так противно, или лает, я не очень-то и поняла, – добавила Женя. – Я раньше никогда такого чуда не видала, ни в лесу, ни в нашем зоосаде!

– Он вам что-то ласковое сказал? – пошутил Вадик, но не удачно для себя, потому как в ответ с ходу получил от Жени несколько уличных выражений, от которых стало даже другим пацанам за него неловко.

– Я, кажется, догадываюсь, кто вас так сильно перепугал, – после общего минутного молчания сказал Витька. – Это не оборотень какой-нибудь, а самый настоящий лесной зверь. Судя по тому, что вы с перепугу обе нарисовали, думаю, на росомаху вы, девушки, нарвались. Ваше счастье, что она не на дереве оказалась – дьявольская у неё есть привычка в горло вцепляться сразу, когда с дерева на добычу прыгает. Хитрости и злобы ей не занимать, её заядлые охотники, и те побаиваются, с оглядкой по северным лесам ходят. Я чего много ещё знаю про этого таёжного зверя, да потом уж расскажу, когда нам нечего делать будет. Сейчас скорее надо уху сварганить, поспать, да в путь-дорогу пуститься.

– Впервые про такую зверюгу вообще слышу, – вздохнув глубоко, понемногу успокаиваясь, сказала Ася и, улыбнувшись уголками губ, даже смогла пошутить. – Криков наших испугался, гад, не иначе!

– Какого рожна, девчонки, вы вообще попёрлись в лес от костра? Прикиньте мозгами, чем могло всё закончиться для вас, дурёхи? – грубо заговорил Пашка, накинувшись на девушек, и у него вздулись и заиграли желваки.

На Пашкин выпад Ася с ходу дала отпор. Сначала покрутив со значением пальцем у виска, высказалась так же нервно и напрямую, как он:

– Ты чё, Пашка, совсем уже, что ли, свихнулся! Нам с Женькой, может, прикажешь в туалет прямо у костра ходить, что, кстати, делаете вы, пацаны!

Возмущение окончательно привело её в норму. Она, смахнув рукавом мокроту с лица, резко поднялась, помогла встать Жене, и они, без оглядки на пацанов, держась за руки, пошли по проторенному пути к палатке...

Витьку по возвращении поджидала своя рыбацкая неприятность. От палатки он, прихватив котелок, побежал за рыбой. А через некоторое время с берега реки раздалась брань. Всполошённые ею, ребята кинулись гурьбой к реке, и то, что они увидели, вызвало дикий смех. Проводник Витька, размахивая дрынком, гнался за лисой, которая удирает от него с большой рыбиной в пасти. Хвост рыбины волочился по земле. Лиса несколько раз не удерживала добычу, и та падала, но она не отступала – тут же подхватив рыбину, мчалась дальше. Впрочем, это комическое происшествие очень скоро уже закончилось: воровка нырнула с рыбиной в мелкие, непроходимые заросли ивняка. Витька, в горячке по-прежнему размахивая дрынком и отчаянно ругаясь, вынужден был остановиться. Хохот ребят, однако, не унимался, в этот момент они начисто стёрли в памяти все свои недавние страхи и переживания.

– Ну чего вы гогочете?! – прикрикнул Витька. – Над собою ведь гогочете! Хотел вас ухой накормить, и нате, блин, свистнула самую крупную, зараза! Окунице-то был – во! Я еле его вытянул на мель...

Он в сердцах швырнул сухую лесину в воду, развёл руки и убедительно показал ребятам величину окуня.

– Да ладно тебе, Вить, хватит уж разоряться, вона сколько рыбы ещё на траве лежит! Что, нам разве не хватит? – успокоила Ася, с укором взглянув на хохочущих парней.

Они тотчас умолкли и дружно помогли проводнику собрать улов. Женя с Асей зачерпнули воды, и немногим более чем через полчаса все уже могли наблюдать, как начинает закипать вода в котелке. Никому в этом деле не доверяя, Витька опять сам колдовал у костра. В первую очередь опустил в бурлящую воду всю рыбу и предусмотрительно взятые из дома соль, несколько лавровых листочков и перец горошком. Только глаза у рыбы побелели, стал доставать её на загодя разложенную чистую тряпицу. Вместо рыбы заложил в котелок чищеную, разрезанную девушками картошку и лук. Теперь всё необходимое было уже там, и осталось ждать совсем немного. Ребята проголодались, невольно сглатывали слюну и в ожидании еды почти не разговаривали. Когда наконец Витька, снял котелок с готовой ухой, мелкий Воська робко проговорил:

– У меня ещё бутылка вермута есть! «Раздавим» под ушицу?

– Нет, нет, не надо! Мы ведь, кажется, собрались на серьёзное дело, да и вообще, что мы – алкоголики – пить с утра? – бурно запротестовала, Ася и её в этот раз поддержали все.

Аппетит был у всех волчий, да и уха не подкачала. Горячая, жирная с хариусового мяса, в меру перчёная и солёная, шла с чёрным хлебом за милую душу. Как говорится, у ребят только за ушами трещало, и вскоре с ней было кончено. Витька вытер рукавом вспотевший лоб.

– Я предлагаю мужикам возле костра остаться, а Ася с Женей пусть пойдут посуду помоют. Пока они ходят, потолкуем насчёт маршрута. Крутить что-то и обманывать вас я не собираюсь, заодно трудности обсудим, которые, конечно, будут, чтоб потом на мозг мне не капали, не ныли.

– Ладно, давай, шлёпай, – согласился Пашка. – Почему только ты сразу этого не сделал, мы бы раньше решили, идти ли нам с тобой по карте или лучше по речке сплавиться...

Укорив проводника Пашка, однако, сейчас же пошёл на попятную:

– Да не, я просто так, не в обиду тебе, проводник, сказал. Конечно, мы бы по-любому за тобой пошли – кто из нас бриллиантов этих не хочет иметь...

– Фу! – поморщилась Ася, словно неожиданно почуяла откуда-то неприятный запах. – Ты бы, Пашка, хоть слух мой не уродовал! Правильно надо произносить – «бриллиантов». И к тому же знаешь ещё что хочу сказать, насколько мне известно, их в природе не существует, а есть алмазы, над которыми ох как нужно потрудиться, чтобы они стали бриллиантами. И в дополнение тебе, Пашка, для общего развития добавлю: не каждый алмаз на огранку подойдёт, недаром ведь цена бриллианту такая высокая.

– Откуда ты только это знаешь? – огрызнулся Пашка.

– Знаю! – отрезала Ася. – У меня родной брат в ювелирной мастерской десять лет вкалывает!

Высказав резко дружку, она собрала с Женей посуду, и обе – по-видимому, нарочно медленными шагами – пошли к реке, раскачивая соблазнительными бёдрами, гордые и красивые, уверенные в том, что пацаны обязательно провожают их взглядами. Только после того как девушки удалились, Витька вытащил из-за пазухи, развернул и разложил ровно карту.

– Вот, смотрите сюда, мы сейчас находимся пока здесь, – начал он, подчёркивая знаки и точки на карте не стриженным давно, но чистым ногтем. – Путь сначала до первых двух шурфов и немного дальше к последнему идёт, почти не петляя, точно на север – думаю, не заблудимся. Примерно вёрст на тридцать в округе тайга мне малость знакомая, бывал в этих местах с охотниками и не раз ходил со взрослыми мужиками на Косьву тайменя ловить. Эта здоровая рыба любит лесные, прозрачные реки...

Витька прервался, поднял голову и попросил закурить, Севка сунул ему в рот сигарету и поднёс зажжённую спичку.

– Мы что, с девчонками так прямо и попрумся по бурелому? – воспользовавшись паузой, спросил с нотой недоверия Пашка.

Прежде чем ответить, Витька сделал одну за другой несколько глубоких затяжек и закашлялся.

– Ну и крепка, зараза! Что за сигареты ты, Севка, куришь?

– О, это, Витька, «Дымок», у нас такие во всех магазинах продают. Чем они хороши, так тем, что даже крепче «Примы» будут. Одной сигаретой можно сразу часа на два накуриться. Хочешь, подгоню одну

пачку?

– Не, не надо, я бросать буду, бабка ругается. Давай дальше вам про весь путь расскажу...

Витька, ни слова, не говоря застывшим в ожидании ребятам, недолго, но с вниманием самостоятельно изучал листок. Этим временем успели уже вернуться девушки, которые подсади к ним, удобно устроившись за спиной у проводника.

– Ага, вот она где! – продолжил Витька – Кажись, я теперь до самого конца разобрался. Сейчас мы спустимся назад, к берегу, и пройдем немного вниз по реке – думаю метров пятьсот всего. От реки линия указывает вверх – тут, я знаю, старая, заброшенная дорога, по ней, когда-то давным-давно таскали поселенцы лес, ниже Бадьюшка сильно глубокая, брёвна сплавляли...

– Что за поселенцы, кто такие? – вмешался Вадик, и Витька недовольно на него покусился.

– Ну вы, прекратите, блин, мешать! – заорал Пашка. – Так мы до вечера не выйдем! Давай, Витька, не отвлекайся, а кто ещё слово вякнет, тот по башке от меня запросто схлопочет. Все меня поняли?! Ну, слушаем...

– Смотрите, дальше показываю! До кого не дошло, после спрашивайте, когда закончу... Где-то километров через пятнадцать снова будет река, она уже по ширине больше Бадьюшки. Если успеем до темноты переправиться, то на другом берегу заночуем. Оттуда алмазные места уже начинаются, от реки нам ещё шагать и шагать на север, до самой вот этой «белой горы», и тут они будут, заброшенные шурфы – глядите, крестами помечены. Здесь уж, пацаны, тайгу я не знаю, лично сам не был. Говорят, что она в «белую гору» упирается, и где-то там же перевал недалеко есть – кто эту карту мне дал, тот говорил. До того места вроде толком никто ещё не доходил, видать, только однажды старатели побывали, думаю – те самые, которые эту карту зарисовали. Другим просто нечего в тех местах делать, незачем ноги бить, потому что ловить не хрен, даже случайных людей наверняка не встретишь. Вот больше поэтому сомненья меня, пацаны, берут, от вас не скрываю – трудно очень будет к шурфам подобраться по одной только хреновой карте. Спросить не у кого, знаки и чёточки мало-помалу должны довести, конечно, но чем чёрт не шутит: если плутать начнём – сгинем... В посёлке Мошкары, от нас он в десяти километрах, есть большой охотничий кооператив.

В прошлом годе в Мошкарах побывал я у тамошнего другана, Стёпки. Водил он меня пару раз в клуб, где охотники бражничать собираются, ну и я краем уха слышал: болтали они, что недалеко от «белой горы» можно полярных белых волков запросто встретить – стреляй их, сколько утащишь, и от той горы всего-то час лёту на «кукурузнике», и уже Ледовитый океан. Короче, мужики, даст бог, добраться бы, а там уж поглядим. Если алмазов найдём, хотя бы с хорошую горсть, то и хватит нам на всех. Думаю, так...

Витька обвёл взглядом притихших пацанов, в глазах у них было неудовольствие.

– Хм, – неопределённо хмыкнул и присвистнул Пашка, больше ничего не сказав.

– Да какого беса мы в этакую даль потащимся всего из-за горсти алмазов?! Учти проводник, копать будем пока карманы не набьём! – зло высказал Вадик. – И ты нас не пугай, пуганые мы. До самого победного конца попрём, хоть до Северного полюса!

Такое мнение, судя по решительным лицам и упрямым глазам, согласны были поддержать все, кроме Аси. Вовремя подошедшая к пацанам, готовым крупно поссориться, она защитила Витьку-проводника.

– Вы чё, пацаны, вовсе дураки, что ли? Во-первых эту горсть надо накопать сперва, сколько потов с вас сойдёт. И потом, знаете, сколь эта горсть будет стоить?.. Да нам на всю жизнь хватит! Я брату отдам, он из них стоящие бриллианты сделает и сам же толкнёт подороже.

– Не, не хватит! – отрицательно помотал головой Вадик. – Я кабаки шибко люблю, девок опять же, а на них много бабок надо, так ведь, Женька?

– Ой, хи-хи! – хихикнула Женя. – Ну да, конечно, много! Джинсы на «толчке» и то меньше сотки не стоят. В любом случае, чем больше найдём этих самых алмазов, тем лучше.

– А с какой это стати мы твоему братану, Аська, верить должны?! Надует он, как пить дать надует, хотя только одну тебя, может, и нет! – вспыллил Пашка, и этим вызвал презрительную улыбку у Аси. Она даже, убрав с плеча его руку, отодвинулась.

У Витьки от Пашкиных злобных выпадов впервые, где-то далеко, в глубине души, шевельнулась предательская мыслишка. Он на мгновение пожалел, что связался с городскими ребятами, соблазнил их в поход к далёким шурфам предков... Наступило неловкое молчание. И ещё неизвестно, чем бы мог закончиться спор, если бы не подал голос Севка, уводя разговор в сторону:

– Вот бы нам, пацаны, подфартило, как в том кино. Все, думаю, не один раз смотрели «Бриллиантовую руку» – всю прошлую неделю этот фильм крутили сразу в двух кинотеатрах: в «Родине» и в «Луче»? Во кинуха, умора, со смеху подохнуть можно! Помните, как главарь контрабандистов клад нашёл, копнул, а клад будто уже ждал, когда его найдут, хотя сам же главшпан драгоценности туда накануне заныкал. Знаю, бред, конечно, но если бы на самом деле так: пришли, копнули там, в шурфе, и нате вам, пацаны, берите, пожалуйста, ваши брильянты!

– Лично мне в картине баба понравилась лёгкого поведения, которая Миронова и Никулина ловила на улочке. Зря они от неё свалили, показали бы народу, как её это... – высказался похотливо Пашка и громко, по-лошадиному гоготнул.

Ася смерила дружка испепеляющим взглядом, и отодвинулась ещё дальше от него, после чего сделала парням предупреждение:

– Давайте, пацаны, без грязных намёков, с вами ведь девушки сидят. И вообще, что-то вы часто материться начали – обойдитесь без мата, друзья!

– Ладно, ладно, учтём! – тотчас же миролюбиво заверил Пашка. —

И насчёт брата своего тоже не бери в голову, Ася, это я погорячился чуток. Хорошо будет, если на самом деле с одной горсти разбогатеем, вот здорово-то, а?! Костюмчик такой же возьму, как у Андрюхи Миронова в кино, и с «бабками» в Гагры фраерком подамся... Ну а ты, Витька, куда свою долю денешь? Вообще, мне кажется, ты немного того, с башкой не очень дружишь, коли нас с собой позвал аж шестерых! Не мог, что ли, потихоньку сам сходить? Ну взял бы в помощь кого-то одного-двух из деревенских, и хорош бы.

– А я, Паша, не жадный! Меня ещё дед, когда жив был, учил, говорил: дескать, будешь Витька жадничать, когда-нибудь да подавишься и сдохнешь и все, кто тебя знал, только одно скажут, что, мол, так ему и надо. А вот почему я с вами? Да всё потому, что мне с вами, городскими, всяко сподручнее. Нашли алмазы, поделили и разбежались. С деревенскими так не получится, с ними только свяжись – на другой день вся деревня узнает, а ещё через день мильтон из райцентра в дом придёт, лапы назад закрутит. Ну, короче, хватит об этом трепаться, выходить нам надо. Рано пока про алмазы вообще говорить: получается, медведь ещё живёхонек, а мы уже сидим шкуру его делим. Я сейчас на реку сбегая быстренько, берег посмотрю, а вы давайте в темпе палатку разбирайте...

Ребята и девчонки засуетились, забегали. Витька спустился к воде, выбрал за поворотом укромное местечко и опустился на колени. Он несколько минут, задрав голову, смотрел в небо, словно что-то на нём искал. Потом, высунув наружу нательный крест, поцеловал его

и, истово перекрестившись три раза, стал шептать молитву Николаю Чудотворцу, хранителю путешественников:

«О Великий Николае Чудотворце, угодниче Божий,
Моли Бога о мне и спутниках моих...

Далее слова его сливались в бессвязный комок, смысл которых был понятен ему одному. Витька просил Святого о помощи, о том, чтобы путешествие за сокровищами прошло мирно...

*** **

Ребята собрались и, хорошо отдохнувшие, споро двинулись дальше, по пути, намеченному проводником. Сам Витька шёл первым, а за ним цепочкой растянулись, сначала девушки, за ними Пашка и остальные трое, поочерёдно меняясь местами – никто из них последним идти не хотел, побаивались. Скоро берег остался позади. Они углубились в густой лес по едва различимой, некогда существовавшей лет десятков назад грунтовой дороге. Теперь она угадывалась лишь по глубоким, заросшим кустарником колеям. Витька был наслышан от деда, что здесь во время войны зеки-поселенцы таскали лошадьми и зачастую на собственном горбу лес. Сплавливали его по реке. Из одной лесной реки брёвна попадали в другую, более глубокую, потом ещё в какую-нибудь, и так благополучно добирались до самой Камы, а уж там из них формировались огромные «кошели». И тогда брал их на буксир катер и волок до самой Перми, или заводил, куда-нибудь попутно, где была возможность доставать брёвна на берег, чтобы потом грузить в вагоны... Нет-нет да Витька оглядывался назад, на девушек. Он замечал, как они стараются изо всех сил не отставать от него, хотя это не всегда у них получалось. Жалеючи их, Витька приостанавливался, поджидал, когда они с ним поравняются, или нарочно сбавлял темп. Примерно после двух с половиной часов сравнительно быстрого хода он объявил короткий привал.

– Ух! – тяжело дыша, ухнул Пашка, скидывая с себя тяжёлую палатку, и, свалившись в траву рядом с ношей, договорил: – Если ещё сегодня столько же пройду, без ног и без шеи точно останусь!

– Да на тебе пахать можно, Паша! – пошутила Ася.

Сейчас же, после шутки, усталости у ребят словно не было. Они разом загалдели, наперебой хвастаясь друг перед другом выносливостью.

– Мне бы сейчас кедровых орешков – подкрепиться, так я бы ещё два раза по столько прошёл без остановки! – хвастливо заявил Воська, за что Вадик тут же презрительно назвал его «шкетом».

Не обидевшись, Воська между тем настырно обратился к проводнику:

– Витёк у нас кедры попутно будут? Смотри мимо них не пройди, не помешает шишками запастись: орехи – продукт питательный, их даже космонавтам дают.

– Нет, Воська, нету. Может, в ближней тайге ещё остались где, но у нас на пути они едва ли есть – все кедры поселенцы угробили. Только и остались те несколько штук, что возле деревни, куда я вас водил. Поселенцам ведь до «феньки», что после них тут останется. Отсидели срок, и домой – в Грузию или Узбекистан, нафиг им сдался Урал! Сам видел, как подъедут к дереву на трелёвочнике, врежут тракторной лопатой по дереву – оно устоит, конечно, хоть и вмятина глубиной сантиметров в десять, а потом всё равно погибает. Что на землю упадёт, то соберут. В наволочку натолкают шишек, и радуются, блин...

– Ты мне про поселенцев так и не рассказал, – напомнил проводнику Вадик. – Помнишь, я тебя спрашивал?

– Да дались они тебе, чё ты пристаёшь к нему?! – вспыхнула Ася. —

В тюрюгу, что ли, собрался? Отстань от него, пусть мальчик отдыхает.

За живое Витьку задела девушка. Она, к которой он относился с откровенной симпатией, назвала его при пацанах принижённо мальчиком. Скорее ей наперекор, чем по собственному

желанию, он, удовлетворяя любопытство Вадика, заговорил про поселенцев, вспоминая всё, что когда-то узнавал, общаясь с зеками сам, а большей частью услышал от родного деда.

– Поселенцы, Вадик, это такой народ, и вольный будто, а на самом деле невольный. Лес же кому-то пилить надо, не больно деревенские в леспромхозы идут – там ведь как папа Карло надо пахать, да ещё того и гляди бревном убьёт. Вот власти и придумали выход из положения: из лагерей стали больше выводить тех, кому сроку два-три года осталось и хорошо себя вели в зоне. Дед мой дятлами их называл и шестёрками, потому что стучали друг на друга «вертухаям» да «шестерили» на них. Короче, большинство выходила на поселение неработать, а нормальных работяг мало было. Что такие людишки наработают? Они только брагу пить мастера, воровать, да в лесу пакостить. Кедр вона весь почитай вывели... – Витька замолчал, лёг на спину и уставился синими глазами в небо, показывая видом, что продолжать разговор на эту тему больше не намерен.

– Н-да, – загадочно произнёс Вадик и, помолчав, добавил: – Теперь ясно, как мой брат проживает. Из зоны написал, на поселение по заслугам отправили.

– Эй, девчата, спели бы для души какую ни то песню, настрой получить на дорогу, – окликнув девушек, попросил Севка, отдохавший чуть поодаль от всех в ложбинке. Пользуясь случаем, он успел уже стянуть с ног настоящие китайские кеды и подставить их под солнце.

– Во, девчонки! – встрепенулся Пашка. – Спойте-ка «Королеву красоты», её Муслим Магомаев поёт. У нас весь класс, помню, по этой песне с ума, когда-то сходил, твист под неё парни и девки до сих пор «зажигают» на танцплощадках так, что шуба заворачивается!

– Давайте все вместе споём, – предложила Женя, и Ася, мгновенно вскочив с травы, начала задорно петь, пританцовывая.

От её пения на поляне стало будто светлее, а подступавшие к ребятам стеной деревья казались не такими уж таинственно-мрачными. Женя присоединилась к ней и, игриво подмигивая, позвала танцевать проводника:

– Виктор, давай с нами, не стесняйся, давай!..

На несколько минут таёжный уголок превратился в танцплощадку. Танцевали все, кроме Витьки. Кривляться под музыку куда ни шло он ещё мог бы, а вот шейк танцевать по-настоящему не умел. Песню, конечно, про королеву красоты по радио слышал, она ему тоже нравилась. Нравилось ему и смотреть сейчас на танцующих ребят, но, когда песню пропели дважды, шейк сразу закончился.

– Ну как мы, Витёк, танцуем? Тебе понравилось? – хвастливым тоном спросил запыхавшийся Вадик. – А ну-ка покажи, во что ты горазд! Спой хотя бы, если шейк не умеешь.

К Вадику сейчас же присоединились другие, и Витька, поняв, ему не отвертеться, запел то, что он не раз слышал от своих деревенских и хорошо запомнил – любимую разухабистую частушку:

Дорогой наш председатель,
Мы с тобой приятели!
Помнишь, как запрошлым летом
Трактор ж... ой пятили?
Ух, ух, ух, ух!..

Хохот был невообразимый! Городские катались по траве и хохотали с душой, без приговора, долго и громко. Смеялся заодно и бесхитростный Витька. Рад он был, что рассмешил гостей.

– Ну ты и выдал, ну умора! – давясь смехом и кашляя, просипел Пашка. И посыпались шутки на Витьку, пока наконец это ему порядком самому не надоело, и он не поднялся на ноги.

– Ну ладно, хватит уже зубоскалить, пора нам двигаться дальше, к реке нужно до позднего вечера подойти... – Витька сделал выразительный жест, чиркнув себя ребром ладони по горлу, и к этому добавил: – Во как, а то иначе завтра день потеряем, к вечеру в шурфы не зачем

соваться, мало ли... Я слышал, глубокие они. Люди в лесу бесследно когда пропадали, так грешили на них: мол, случайно провалились в шурфы и на веки вечные сгнули.

Ребята не перечили. Проводник сказал убедительно, и они, моментально посерьёзнев, уже через минуту были готовы к выходу. Так же растянувшись цепочкой, пошли. Девушки старались держаться ровно за Витькиной спиной, остерегаясь непонятого и потому кажущегося враждебным леса.

– Вить, а Вить, скажи, а рысь на нас с дерева не нападёт, или опять росомаха? – на всякий случай спросила Ася.

– Да не отважатся они – нас народу-то вон сколько! Одному, да без ствола, думаю, бродить здесь опасно, а нам нет, не бойся, Ася.

– А если медведь? – не успокаивалась девушка.

– Я ведь вам про медведя уже говорил, не тронет он. Чего ему нападать сытому, без надобности это. В лесу ведь так – если хищный зверь сыт, то ему зачем охотиться впрок, как человеку? Нас, людей, что понуждает к накоплению, дед мой говорил, – жадность проклятая. Вроде всё уже есть, а глаза завидушие, гребёт и гребёт под себя. Подыхает – добро остаётся, родню в грех вводит. Те начинают делить, драться из-за разного барахла, и так душу теряют, чёрту её на заклан отдают. Не, не тронет никого медведь, он ведь не человек, ежели ты первым, конечно, медведя не тронешь. У меня один раз случай был. По грибы ходил с другом, недалеко отошли от деревни, идём, что ни попадя болтаем. Увидел я белый гриб, хороший такой, метрах в пяти, в сторонке, и шась за ним! А мишка как рявкнет! Даёт знать – нельзя, значит, сюда, тут моя территория. Я понял, и назад. Так и разошлись с миром.

Девушки, кажется, окончательно успокоились и шли уже долго молча. Лишь от тех, кто шагал сзади, доносились вперёд голоса. Витька слышал ругательства, и по некоторым отдельным словам догадывался, что речь идёт об алмазах. Севка что-то с горячностью доказывал Воське. Дорога им разговаривать не мешала. Путь, слава богу, был пока проходимым, сносным, хотя иногда приходилось петлять между зарослями, выискивая проходимые места. Проводник делал это без труда, и заплутать не боялся. Ребята, полагаясь на его опыт, полностью ему доверяли и следовали за ним неотступно, как нитка за иголкой. Если вдруг кому «приспичило», то кричали, и тогда Витька останавливался и по его команде вставали другие. Прошли после короткого последнего отдыха примерно километров восемь. Витька, обладая чутьём заядлого охотника, определил это расстояние, им оставалось шагать до реки почти ещё столько же. Сам он, давно привыкший к тайге, усталость не особенно чувствовал, беспокоился только за своих новых товарищей, избалованных городской жизнью. Он слышал сзади тяжёлое дыхание девушек, которое становилось с каждым пройденным километром шумнее и чаще, и жалел их. И хотя понимал, что нужно поторапливаться, решил всё-таки предложить короткий отдых и уже остановился, но сказать не успел – Ася, окончательно выбившись из сил, его опередила:

– Всё, Витёк, больше не могу идти. Лучше уж застрели меня из своего обреза, – произнесла она и с этими словами, как подкошенная травинка, упала, не скинув с плеч вещевого мешка. Остальные поступили так же.

Первые пять минут прошли в тишине, ни у кого от усталости не было желания говорить. Витьке даже показалось, что спутники дремлют, но вот зашевелилась и приподнялась на локте Женья:

– Ася, – усталым голосом позвала она подругу, – давай в кустики сходим...

– Угу, – не подняв головы, согласилась та и тяжело встала.

Взяв за руку подругу, помогла ей. Они побрели напрямик к деревьям.

Витька, провожая девушек глазами, обратил внимание на их хлипкую обувь – синие спортивные полукеды, уже малость потрёпанные за последние два дня. Каждый раз, собираясь в лес, он всегда неизменно натягивал свои литые резиновые сапоги. Не гнувшиеся, грубые, но в то же время надёжные, не боящиеся ни коряг, ни воды. Такие сапоги в деревне были у него

одного, чем Витька очень гордился. Носил с портянками, и после каждого похода в лес тщательно мыл и сушил сапоги на крыше дровяника. «Оделись как на стадионе побегать, – неодобрительно подумал он, – „трикушка“ да тапочки! Это всё одно, что ходить голяком по тайге. Тут форс ни к чему, через неделю от него, ихнего форсу, ничего уж не останется...»

Не прошло и пары минут, как девушки, не выбирая дороги, словно две козы, прыгая с кочки на кочку, неслись назад. Ася, запнувшись, упала плашмя на живот и Пашка с Витькой бросились к ней, чтобы помочь.

– Ну что опять у вас приключилось, что?! Кого вы на этот раз испугались? – заорал на них Пашка.

Ася, повернув к нему заплаканное лицо, всхлипывала, не в состоянии сказать хотя бы слово, лишь разевала рот. Лицо её было бледно до неузнаваемости. Женя крепко прижалась к Вадику, заметно было, как её трясло.

– Там, там... – всхлипывая, наконец первой смогла заговорить Женя, и потом снова замолчала.

– Ну что там, рожай уже! – грубо прикрикнул Пашка.

– Да ладно тебе орать-то, пусть успокоится! Мало ли чего показалось, – вступился за девушку Витька. Пашка, недовольно покосившись на него, смачно сматерился.

– Я не хочу никаких бриллиантов, пойдёмте скорее отсюда куда подальше! – неожиданно оттолкнув парней и резко вскочив на ноги, выкрикнула несколько раз Женя. Глаза у неё сверкали, как у полоумной.

– Да что вы там, в конце концов, увидели, чёрта?! – прокричал во весь голос Витька от обиды, не понимая, чем вызвано столь паническое требование девушки.

– Нет, не чёрта, а ведьму – ту, которая тебя, Витька, из деревни провожала.

– Агашку?! – вскрикнул, не поверив ей Витька, однако быстро перекрестился.

– Да, конечно Агашку, кого же ещё! Если верить твоим рассказам, она ведьму отхлестала верёвкой. Мы только хотели присесть, как Агаша из-под земли перед нами будто вынырнула, и махнула рукой назад. Лично я так понимаю, она наверняка хочет запугать нас, чтобы проваливали восвояси обратно...

Обстоятельства складывались не в пользу Витьки. Поход за алмазами был в эту минуту под угрозой, и он лихорадочно искал выход. Чего доброго, ребята возьмут да повернут назад, и затаят обиду на Витьку...

– Вы даже не думайте, подруги, что из-за ваших страхов мы откажемся от алмазов! Поворачивайте оглобли одни назад, ежели боитесь! – заявил Пашка, и Витька ухватился за неожиданную поддержку.

– Кто смелый, пошли со мной! Сейчас я вам эту ведьму сюда приволоку, если она там есть, – сказал он, попросил топор и, выжидая, помолчал, переводя решительный взгляд поочередно с одного на другого.

Желающих составить ему компанию не нашлось, ребята опускали глаза. Витька, словно заправский жиган, далеко выстрелил слюной сквозь щель между передними зубами, показывая этим пренебрежение к страхам, и, ловко перекидывая топор с руки на руку, вразвалку пошёл, направляясь к тому месту, откуда выбежали девушки.

Сказать, что он совсем не боялся, было бы неправильно. Витька боялся, да ещё как, но ради того, чтобы рассеять сомнения насчёт появления Агаши, пересиливал себя. К тому же он, конечно, втайне надеялся, что девчонкам пригрезилось и они увидели всего лишь обыкновенную корягу или засохшее корявое деревцо. Уже за первыми деревьями, когда ребята не могли его видеть, Витьку забила мелкая дрожь, и тогда он остановился. Стал шарить по лесу глазами, отыскивая подходящее дерево, но все, как назло, ели, редкие берёзы и сосны были на подбор: зелёные и стройные. С усилием заставив себя сделать ещё десяток шагов, Витька наконец нашёл то, что ему было нужно. Берёзка, погубленная мощной раскидистой елью,

засохла, по-видимому, уже так давно, что и бересты на ней почти не осталось. Высокая ель безжалостно заслонила малютку от света, вдобавок прижала её сверху мохнатыми лапами. Подойдя к ней, он без труда сломал сухой ствол под корень и понёс к ребятам. Попутно заметив примятую траву, понял, что девушки находились именно тут.

– Нате вам Агашу! – сказал он, кидая двухметровое деревцо перед девушками. – В двух шагах от того места торчало, где вы остановились.

– А я даже нисколько не сомневался! Я ведь говорил, им всё померещилось! – воскликнул Пашка и захихикал. Обычно так же нервно смеются люди, только что пережившие испуг.

Вадик с Воськой и за ними Севка посмеялись тоже. От Витькиных ушей и глаз не ускользнуло то, как по-настоящему радуются они. Но скорее не тому, что будут продолжать поход за драгоценностями, а потому, что он, Витька, принёс виновницу переполоха берёзу и колдуньи в лесу не оказалось. Деревенский парень, выросший в лесу, верно сообразил, что, не принеси он её, то весь оставшийся путь городским ребятам то и дело под каждым кустом казалась бы Агаша, и тогда поход за алмазами стал бы для всех сплошным кошмаром.

– Давайте, девчонки, я вас провожу, – предложил Витька, полагая, что в туалет они так и не сходили.

– Нет, нет, мы никуда не пойдём! – в один голос вскричали девушки.

– Ну что же, надеваем мешки и идём дальше! До реки дойдём, после видать будет – может, сразу и переправимся.

– Парни, – смущённая и поэтому зардевшаяся, обратилась Женя, – отвернитесь, пожалуйста, и не подглядывайте! Мы больше ни шагу от вас в сторону не сделаем...

*** **

Жалея девушек, Витька перед выходом предложил пацанам разобрать по своим рюкзакам их пожитки, чтобы те шагали налегке. Уже через несколько минут искатели алмазов, осуществляя мечту, были на целый километр ближе к цели. По-прежнему Витька уверенно вёл спутников, по возможности огибая буреломы и заболоченные места, держа в памяти их ненадёжную обувь. Случай с девушками не давал ему покоя, и он постоянно об этом думал, однако не сбавлял при этом взятого темпа. Он то полностью отвергал появление деревенской колдуньи Агаши в лесу, то с некоторым страхом и беспокойством верил в невероятное. Мысленно прокручивая в который раз тот клочок местности, где он удачно нашёл берёзку и где там же неподалёку, вероятно, находились и девушки, он в какой-то момент представил, что трава как будто была примята и в другом месте, куда никто из них троих ступить не мог. От этого ему сразу стало немного не по себе, но он справился, и хотя слегка побледнел и вспотел, не подал городским ребятам виду, – лицо его оставалось всё таким же невозмутимым, и даже обильно, разом проступившие капельки пота на лбу можно было принять за обычное проявление физической нагрузки. А, впрочем, никто лица его, впереди идущего, видеть не мог. Витька только изредка оглядывался назад, убеждаясь, все ли следуют за ним, машинально пересчитывая всех по головам...

Вскоре за крутым поворотом, после изнурительных последних двух километров в гору, был им замечен издали большой котлован и он, на ходу достав из-за пазухи карту, сравнил её с местностью. Сомнений не возникало, они шли точно по маршруту, и котлован, поросший молодняком и густой травой, был не чем иным, как местом добычи в военное время какой-то ценной руды. Когда подошли к краю, Витька поднял руку вверх, давая знать, что надо остановиться.

– Отсюда во время Отечественной войны каторжники доставали руду, – пояснил он подоспевшим, сгрудившимся возле него ребятам. – Слышал от деда, руда эта особо ценная была. Её после того, как расплавят, с чем-то мешали, и на круг выходила броня такая, что немцам не по зубам – чем бы ни били по ней фрицы, пробить так и не смогли до конца войны.

– Хм, – недоверчиво хмыкнул Севка. – Как же каторжане пёрли её отсюда? До дороги ведь о-го-го, Витёк!

– Им, конечно, доставалось, нечего сказать! Их тут пачками недалече хоронили, но руду всё же отправляли. Ты хочешь знать, как?.. Сначала грузили телегу, лошадка тащила до реки, а там перегружали на плоты – и айда по таёжным речкам до самой Камы.

– Я чувствую, река где-то рядом уже, – вступил в разговор Вадик, одновременно закуривая.

К нему сразу потянулись руки страждущих. Курящими были все, кроме девушек, они только однажды, поддавшись общему настроению, закурили накануне вечером у костра.

– Да, – подтвердил Витька, – река Колва должна быть скоро уже, не очень широкая, но опасная. Вода холоднущая, быстрая и глубокая. Переправляться ещё не знаю на чём – на плоту или брод будем пытаться искать. Подойдём – подумаем на берегу. Ну ладно мужики, рассусоливать некогда, бросайте курить, последний переход на сегодня! Девчонки вон, гляди, совсем, бедняги, упехались.

Ася и Женя, используя каждую минуту для отдыха, пока пацаны перекидывались словами, успели сесть и теперь с трудом поднялись с травы, которая однозначно казалась им в этот момент пухом. Витька, с жалостью глянув на девушек, медленно двинулся вперёд, ведя ребят по краю глубокой, большой рукотворной впадины, обходя её справа.

– Да, блин, досталось нашим предкам, – изрёк Пашка. – Я бы не хотел на их месте оказаться.

– На войне было не легче, – не оборачиваясь, отозвался Витька.

Разговаривать на ходу было несподручно, и они больше не говорили, хотя он много бы мог чего поведать Пашке о войне. Родной дед долгими зимними вечерами вспоминал про неё часто, рассказывая внуку о пережитых в окопах ужасах...

Сучья трещали у Витьки под сапогами. Его дыхание сливалось с дыханием других, и больше, пожалуй, сейчас никаких звуков в лесу не слышалось. Чем дальше ребята продвигались по северной земле области, тем больше Витька замечал изменений на маршруте в окружающей их природе. Берёзы почти вовсе исчезли, а только вокруг, куда бы ни посмотрел, вековые, в два обхвата, высоченные ели. Из-за этого казалось, что уже наступил вечер, поскольку солнце опустилось за ели и сквозь них не проникало. «С погодкой, слава богу, пока нам фартит: безветренно, сухо и даже жарко, – думал Витька. – Однако после такого денька в эту пору здесь запросто может быть ночью заморозок и придётся спасаться от холода... Ладно, опять с божьей помощью как-нибудь переживём у костра, главное – чтобы снег не повалил, может случиться и такое. Ведь бывало не раз, на радость охотникам, к середине августа уже пороша всю землю в палец толщиной накрывает, не понаслышке знаю...»

Сколько километров в этот переход после последнего короткого отдыха искатели протопали, Витька не вычислял, но ясно одно ему было – много. По крайней мере, не меньше десяти. Девушек, да и пацанов тоже, аж покачивало от усталости. Наконец долгожданная река показалась. Сначала она блеснула яркой, голубоватой лентой и тотчас пропала, потому как ребята прошли по ложбинке. Потом река засверкала во всей своей красе. Витька невольно прибавил шаг, и сразу же услышал за спиной недовольные возгласы. Впрочем, торопиться уже было не нужно, последние метров триста он повёл городских тише, пока они не оказались на крутом, высоком берегу. Перед искателями алмазов открылся красивейший вид на тайгу. Справа и слева она простиралась до самого горизонта, поражая воображение величием. Впереди по прямой, казалось – недалеко, всего-то рукой подать, за полосой такого же хвойного леса в небо упирался огромный и длинный хребет. Посередине его, как бы разделяя на две половины, уходила ввысь гора. Под впечатлением увиденного ребята будто воды в рот набрали. Несколько минут, очарованные красотой и вместе с тем пугающим величием горы, смотрели

на её сверкающую на солнце вершину, навечно покрытую снегом. Витька, очнувшись, заговорил первым, причём голос у парня зазвучал по-особенному, торжественно:

– Большой перекур, мужики! Отдыхайте, дальше идти некуда, кумекать надобно, как на другую сторону реки Колвы перебраться. Вижу, гора вам даже понравилась. Для тех, кто интересуется – перед нами, кажись та самая гора, выше которой нет на Урале. Точно не скажу, какая у ней высота, сам не знаю. У этой горы на настоящей карте другое название есть, татарское, вроде как Тулим или Тулым-камень гору кличут. Короче, я за географию не отвечаю, у меня в школе с ней всегда не очень хорошо было – если совру, так уж не обессудьте. Одно только знаю: охотники, с кем мне говорить довелось, эту гору по-разному называют, кто во что горазд...

Пацаны, облюбовав полянку, не теряя времени, завалились навзничь в траву отдыхать. Витька же даже садиться не стал, прикурив услужливо предложенную ему Пашкой папироску, сперва прошёлся по берегу, осматривая сверху реку, выискивая узкие места, потом сел. Лицо у него не выглядело уже восторженным, оно заметно погрузнело. Это не ускользнуло от пацанов, которые неотрывно наблюдали за проводником.

– Что, Витёк, никак загрузнел? – поинтересовался Вадик. – Мы хотя бы правильно вышли? Туда, куда надо?

– Нормально вышли, так я и хотел, а вот как переправляться, пока ещё не могу ничего дельного придумать. Главное ведь, чтобы в реку никому не упасть! Из этой быстрой, холодной воды можно и не вынырнуть, местным сомам в радость. Кто здесь тонул, тех почти никогда не находили.

– Давай думай, Витёк, ты проводник, – сказал Пашка. – Да жути-то поменьше коллективу гони, девчонки вон и так трясутся от страха, а ты ещё им про утопленников базаришь!

– Да это я так, – буркнул Витька, тщательно затоптав окурочек. Опять прошёлся по берегу, туда полсотни шагов и обратно. Спустил несколько минут он уже с решительным видом приблизился к пацанам. – Короче, я на обрыве сосенку одну надыбал, не очень толстую. Если мы её сообща срубим, да направим в нужную сторонку, чтобы, значит, одним концом за речку легла, то по ней и переберёмся не торопясь, а там уже и костёр разожжём, поснедаем, заночуем... Ну как, катит мой план?

– Катит, – согласно кивнул Пашка. – Давай, проводник, командуй! Топорик, конечно, не ахти какой, но зато острый! Нас пятеро мужиков, справимся часа за полтора, если никто сачковать не будет – думаю, на это никто не рискнёт...

Работа началась спорно. Витька со знанием дела первым начинал рубку, потом его сменил Пашка, за ним другие, и так попробовали себя все по очереди. Кроме Пашки и, конечно, самого Витьки, остальные, чувствовалось, делали рубку неуверенно, топор то и дело срывался и они часто промахивались. Обе девушки тем временем сладко спали, частично восполняя, таким образом, потраченные на дорогу силы. Топор был, понятно, не для лесорубов – слишком мал, однако благодаря усердию пацанов уже вскоре дерево было срублено наполовину, и вот тут Витька, спохватившись, закричал:

– Мужики! Я ведь, бля, про толкач-то совсем забыл! Давай пока перекур сделаем, я схожу выберу.

– Это что ещё за толкач? – нахмурился Пашка. Разгорячённый тяжёлой, но нужной работой, он уже видел её окончание и, в связи с этим, заслуженное торжество.

– А то, Паша, шест, раздвоенный с одного конца, вот как обычная рогатина. По школе, может, знаешь – в прошлые годы с такими рогатинами крестьяне на войну ходили, да ещё на медведя. Ею, блин, ежели кого хорошо прижмёшь, так уже ни за что не вывернется, ну, конечно, и силушку тоже надо бы иметь... – Ещё не договорив, Витька уже поднимался наверх. Из леса скоро донёсся стук, и не успели пацаны выкурить по сигарете, как он вернулся с рога-

тиной и протянул её Пашке. – На, возьми, Паш, ты здоровее всех будешь! Упри в ствол и толкай на реку. Пока не шибко сильно, уж ближе к концу будет, тогда сильнее...

С каждым взмахом топора дерево в месте рубки становилось тоньше. Вскоре закрипело, закачалось...

– Поднажми, Пашка! – заорал Витёк и бросился в сторону, увлекая за собой Вадика с Воськой и Севку.

Дерево сперва наклонилось в сторону реки, а потом с громким треском рухнуло поперёк неё. Верхушка как раз легла далеко на противоположный берег, поскольку сосна была длинная и прямая.

– Ур-ра-а, ур-ра-а! – закричали пацаны. Звуки восторга разбудили девушек, и они, поддерживая их, тоже победно вскрикнули.

– Ну что, пошли на ту сторону? – вдоволь накричавшись, предложил Витька, но ему дружно возразили, попросив отсрочить ненадолго переправу, считая, что прежде надо настроиться.

– Вот разбогатею, сразу брошу к чёртовой бабушке вредный табак, спортом серьёзно займусь, костюм спортивный шикарный достану, кеды – все девки тогда мои будут! – задрал кверху лицо, опять размечтался Вадик.

– Да у тебя и так, по-моему, валом всего! – сказал Севка. – Мы ведь в одном подъезде живём, всё вижу. Небось девки все двери уже обоссали, тебя карауля!

Ребята незлобиво посмеялись и некоторое время, подшучивая друг над другом, говорили похабщину, стараясь, однако, чтобы этого не слышали девушки.

– Всё, мужики, – поднявшись, сказал Витька и, помолчав, добавил: – Дальше тянуть уже некуда, засветло нужно нам перебраться. Ещё о-го-го сколь надо делов переделать! Костёр распалить, на ночлег палатку поставить, да и пожрать бы перед сном не мешало, я так думаю. Первыми девчат пустим, бояться нечего: дерево плотно лежит, крутиться не станет, а что касемо веса, так не только нас, а ещё целый трактор выдержит в придачу...

Ребята долго не совещались, поступили так, как посоветовал проводник, хотя Ася и Женя поначалу засомневались, стоит ли им идти первыми, но Витька быстро убедил их в безопасности переправы.

– Главное – не спешите, девушки, смотрите чаще под ноги и крепче держитесь за толстые ветки, – напутствовал он напоследок, когда уже те, повизгивая от страха, ступили на дерево. – На воду лучше не смотреть! Вода, она свойство такое имеет – притягивать, зазеваешься – и тама!

– Головы бы только у них сейчас не закружило, блин, – по-видимому, переживая за удачный исход, ругнулся Пашка. – Как ты думаешь, Витёк, не закружится башка?

– Тут высоты-то всего метр до воды, с хера ли она закружится, если, конечно, сами долго глазеть на течение не станут... Да они вон больше половины уже прошли, река тут, всё одно, как большой ручей. Исток ведь недалеко отсюда, где-то у подножия гор. Не успела река ещё наводниться, широкой-то стать. Это уж тамока, дальше вниз по течению, нам бы такую-то вот переправу не наладить, деревьев длиной в ширину русла у берегов не отыскать было бы.

– Мальчики, а мы уже здесь! – с радостью сообщила Ася. – Не тяните резину, переходите быстрее к нам!

– Давайте, мужики, давайте! – поторопил Витька.

– Ага, хорошо им налегке, прыг-скок – и на той стороне, – проворчал Вадик, с опаской ступая на дерево.

За ним следом пошёл Пашка, а потом Севка и последним Витька. Воська с упрямством сказал, что пойдёт после них – видать, пока не мог ещё справиться с трусостью. Дождавшись, когда пацаны благополучно переберутся, наконец решился и он.

– Эх, зря Воська рюкзак скинул, рука-то одна теперь занята! – обеспокоился Витька.

Пашка же высказался в циничном духе:

– У него очко играет, он боится, что если сорвётся, то рюкзак утянет его сразу на самое дно...

Воська пробирался между ветвями слишком медленно. Прежде чем переступить, ошупывал ногой бревно, будто проверяя его на прочность, и тянул рукой на себя каждую очередную ветку, перед тем как полностью довериться ей. Ребята, наблюдая за ним, уже теряли терпение, громко и зачастую грубо выкрикивая Воське обидные замечания. На них Воська реагировал бурно, огрызался, отвечая порой друзьям матерщиной. Возможно, это обстоятельство и сыграло с ним ту злую шутку, едва не закончившуюся смертью. В какой-то момент, видно потеряв чувство опасности и решив доказать друзьям свою смелость и пренебрежение к происходящему, он отпустился от ветки, помахал свободной рукой, поскользнулся и – о ужас! – полетел вниз головой в стремительно бежавшую реку, оставив рюкзак на дереве. Течение, подхватив его, понесло, и, несмотря на отчаянные попытки сопротивляться ему, Воську уносило от переправы. Девчонки и пацаны в ужасе закричали. Растерялись все, но за считанные секунды Витька пришёл в себя и, мгновенно рассчитав направление реки на этом злосчастном участке, побежал не разбирая дороги, иногда черпая сапогами воду, туда, где река должна была круто повернуть и там быстрина должна была приблизиться к двум-трём метрам от берега.

– Воська, Воська, держись! – истошно кричал он, заодно на бегу пытаясь давать советы неудачнику. – Не борись с течением, не теряй силу! Ты только плыви по нему и чуток руками подгребай к берегу, тебя сейчас на мель понесёт, и я тебя там поймаю!..

Ругаясь нещадно, Витька успел-таки раньше к спасительному повороту. Ему было очень страшно, река здесь, словно назло им взбесившаяся, грозно рычала, дыбилась, переворачивалась пластами, но, однако, он, соединив волю с природной хваткой и ответственностью, смог подавить это естественное, присущее нормальному человеку чувство, с ходу бросившись в ледяную воду. Широко расставляя ноги, сколько возможно, брёл, пока нутром не ощутил, что ещё, может быть, сделать всего один шаг, и тогда ему уже будет не совладать с озверевшей рекой, его собьёт с ног.

И конец придёт и ему тоже, заодно с Воськой. А тем временем виновник происшествия, следуя советам проводника, оказался на повороте почти сразу же. Ну и, казалось бы, сейчас протяни руку, поймай его Витька, хотя бы за что-нибудь ухвати, но с первого раза это сделать оказалось не так просто. Воську перевернуло на спину и накрыло толщей бурлящей воды... «Всё, конец!» – промелькнула мыслишка у Витьки. И он скорее интуитивно, а никак не продумав, сунул вытянутую руку в воду, где сходу что-то обнадёживающее там, в невидимой глазами беспощадной стихии, цепко ухватил пятернёй. Сначала показалась Воськина нога, а потом и он весь. За Витькиной спиной стояли наготове пацаны, они помогли ему и общими усилиями бедолагу Воську в конце концов благополучно вытащили на берег...

Он был в сознании, только сильно ооченел и от этого, и, конечно, ещё с большого перепугу, говорить с ребятами у него пока что не получалось. Из широко открытого рта вырывались нечленораздельные звуки. Жалко было смотреть на то, как парнишку бьёт дрожь.

– Мужики, водка есть у кого? – спросил Витька. – Растереть бы надо, он заболеть лёгкими может.

– Так у него же и есть! Пусть, падло, пользуется своё! – резко ответил Сева и шагнул к распластанному на траве несчастному, с ясным для ребят желанием что-нибудь тому сделать, может быть пнуть.

Угадав это, Витька преградил ему путь:

– Ещё только драки нам тут не хватало! Эдак-то мы пока до алмазов доберёмся, раньше переколотим друг дружку. Ну сорвался, так чего? Он ведь не спецом, он только чуть раззяву поймал, наверняка в первый раз по дереву шёл. Такая переправа – дело нешуточное. Считай, повезло ему, да и нам тоже, обошлось, блин, не утоп, а всё благодаря тому, что на воде здорово

держался. Страху, конечно, все натерпелись, но это ерунда по сравнению с тем, что могло быть. Не нападайте больше на него, забыть надо про этот случай. Я всякого в тайге успел повидать, и скажу – Воська даже герой. За то, что сразу не ушёл на дно, в награду положено ему полстакана водяры внутрь!

– Давай, Севка, вперёд, да смотри, аккуратнее! – приказал Пашка.

Он послал его за Воськиным рюкзаком, в нём должна быть водка. Хорошо, что она была! В таком случае водка – вещь для сугреву просто необходимая. Пока Севка ходил, Витька, не теряя времени, стал энергично раздевать несчастного, забыв о себе. Он даже не скинул сапоги, где хлюпала вода, и ноги его от холода занемели.

– Девчонки, ну чего вы стоите с открытыми ртами – муха ведь залетит! Давайте-ка, помогите проводнику! – прикрикнул на девушек Вадик.

– Поищите что-то шерстяное! Надобно для растирки шерстяное бы, оно-то всяко лучше пойдёт, – добавил Витька...

Работа по возвращению товарища в более-менее нормальное состояние кипела, ребята даже развеселились, по очереди растирая Воську. Тот от их едких шуток поначалу, казалось, только больше бледнел. Уж потом, когда спустя полчаса пришёл в себя и смог заговорить, он, не уступая, начал отвечать так же задиристо, и это у него получалось, как и у них, колко и весело. Одет Воська теперь был в разное – в то, что нашли в своих рюкзаках и дали ребята. На нём оказалась женская длинная кофта Жени, чья-то фуражка на голове, а на ногах шерстяные носки, которые пожертвовал Вадик.

– Так чего, проводник, дальше будем делать? Может, пойдём вперёд? – спросил Пашка. – По-моему, по карте недалеко уже должно быть, как-нибудь ведь добредём до места...

– Не, – помотал головой Витька, – не получится... Он, как раз вылив из обоих сапог воду, сидел на траве и выжимал портянки. – Сам видишь, что с моей обувкой делается, а Воська так вообще полураздетый сидит! Идти два километра, а только на фигу нам убиваться, надобности вовсе не вижу. Соображай, Пашка, уже вечер, пока приволокёмся, туда-сюда, и темно станет: день-то короток стал, дело к осени движется – небось заметил ведь, лист на деревьях желтеет. Короче, здесь заночуем. Давайте резину не тяните, местечко для палатки готовьте. Но сперва костёр, быстрее запалите костёр! Мне надо портянки всполоснуть да сразу просушить, запасных нету, мёрзнуть не больно охота. Воське тоже надо одёжку просушить.

– Ладно, убедил! Остаёмся, товарищ проводник. Я уж грешным делом думал, уже буду добычу сегодня делить.

– Алмазы, Паша, никуда от нас не денутся, если они, конечно, есть. Кто знал, что Воська в реку свалится! Если бы не это, может, и успели бы дотемна покопаться в шурфах, а так, ничего не поделаешь, только завтра полезем искать.

– А ты разве сомневаешься, есть ли там, в этих твоих шурфах, алмазы? Неужели допускаешь, что тебе могли по ушам проехать порожняком?!

Последние слова Пашка выкрикнул зло и будто даже с отчаяньем. Витька снова пожалел, что затеял с городскими поход за алмазами, и он уже убеждался в этом. Сейчас, собираясь с мыслями, медлил с ответом. Пашка и другие ребята, слышавшие их разговор, внутренне напряглись, ожидая развязки.

– Ты пойми, Пашка, правильно, – после неприятного и напряжённого для всех долгого молчания заговорил он. – Карте, по какой мы идём, в обед сто лет исполнится, и чего там, в шурфах этих, за такой срок было, то одному Господу Богу известно. Может, давно все алмазы вышарили? Ну а ежели есть они, дорогие камни, в шурфах, а я надеюсь – не зазя идём, то они на блюще нас не дожидаются. Наверняка всем нам придётся их поискать ещё, семь потов сойдёт, пока хоть что-то добудем, земельку не больно легко ковырять! Шурф, как мне говорили, та же самая яма, и она глубокая и, может, узкая – тогда по одному придётся лазить туда, во мрак, всё равно как в могилу.

– Ну ладно, не пугай уж, пуганые, – почти миролюбиво сказал Пашка. – Надо было тебе сразу толком ещё перед выходом объяснить. Только вот чем копать станем, девок, что ли, заставим ногтями рыть? Они у них длинные, острые...

– Девки, Пашенька, знаешь где?! – возмутилась Ася... – Девки на базаре семечками торгуют!

Ася сердито покосилась на друга, пацаны улыбнулись, и напряжение с этого момента как-то само собой улетучилось. Лица у всех просветлели.

– Зубами будешь землю грызть, Пашенька, сам! – добавила Ася. – Мы тебе такую возможность нашим коллективом сразу предоставим, потому как ты самый жадный из нас.

– Землю никому ни зубами, ни ногтями рыть не придётся, – успокоил Витька ребят, когда поутих смех, окончательно разрядивший обстановку и поднявший наконец всем настроение. – У меня лопатка сапёрная есть, дед с войны привёз, она ему не раз жизнь спасала, такая вот счастливая оказалась. Он не смог её там, в Германии, у фашистов просто так бросить, тем более в деревенском хозяйстве сгодилась бы. Много чего мне про лопатку эту дед говаривал. Интерес у кого будет, так я потом расскажу... – Витька чуть помолчал и дополнил, предупреждая тем самым другие вопросы ребят. – И верёвка у меня есть надёжная, так что в яму прыгать не придётся. Пеньковая верёвка, новая, длинная, муха на ей, ещё не сидела.

– Ты, Витька, проводник у нас просто козырный, цены тебе нет! – воскликнул Вадик, и лестные слова посыпались на Витькину голову, на что он, не очень любивший громкой похвалы, отреагировал по-своему, грубовато:

– Да ладно вам, ещё перехвалите! Давайте быстрее костёр уже, мы с Воськой околеем ведь!..

Ребята, кроме Воськи и проводника, во главе с Пашкой бросились собирать дрова. Конечно, вначале нужно было определить место костра, и тут не обошлось без горячего спора, из-за чего Витьке пришлось всё же подняться и босому идти на помощь. Он с ходу забраковал два предложения. Прикинув направление ветра и близость деревьев к ожидаемому огню, которые при жарком, высоком пламени могли вспыхнуть даже от искр не хуже, чем порох, решил, что риск пожара большой, поэтому, оставив без внимания Пашкино недовольство, углубился метров на двадцать в лес и оттуда крикнул:

– Сюда, ко мне двигайте, пацаны! Ничего, как будто бы в норме местечко, и костёр входит, и палатка чуток дальше удобно пристроится. Тут только сорные деревца посрубать надобно, и самое то. Лучшего, думаю, не найти. Может, дальше и есть чего, но от речки нам отступать не резон: вода нужна на чай, на жратву – похлёбку же сварим, без горячего всё одно что голодом спать ложиться...

Он дождался ребят и вернулся к реке. С минуту раздумывал, постигнуть ему или нет портянки? Опрятность, унаследованная от бабки, взяла верх. Взяв их, он смело зашёл по щиколотку в обжигавшую ледяным холодом воду. Хотелось по этой причине закончить стирку как можно скорее, но пока он не убедился, что портянки тщательно выполосканы и чище уже не станут, занятие своё не прекращал. Выжав, сделал шаг к берегу. Тут неожиданно его внимание привлёк необычный камушек. Он выделялся в среде прочих, плоских и однообразных, по форме и цвету. Этот отрезок реки был затенённый деревьями, к тому же наступил полноправный вечер, поэтому и камушек величиной всего лишь немногим больше, чем с ноготь, хорошо рассмотреть было невозможно даже вблизи. Достав его из реки, Витька долго держал находку на ладони, но до конца с выводом так и не определился. У него один раз только ёкнуло в груди и бешено заколотилось сердце, но он отогнал эту мысль, оставил её на потом, не захотел поверить, что камушек не что иное, как самое настоящее золото, то есть маленький самородок. Выйдя на берег, Витька сразу решил городским ничего пока не говорить, чтобы не будоражить. Нужно было убедиться и развеять все сомнения. В сущности, он ещё даже не знал, как это у него получится, ведь сам-то он о золоте имел весьма смутное представление. Видал его только

у бабки на пальце, толстое, тусклое и неуклюжее, да ещё несколько раз слушал рассказы таёжников про невероятное везение. Кто-то где-то и когда-то находил самородки в безымянных речушках... Витька подальше засунул камушек во внутренний карман куртки в надежде рассмотреть, поцарапав, чем-нибудь его завтра с утра, когда уже высоко взойдёт солнце. Удовлетворённый таким решением, он не спеша подался к ребятам, в глубине души сознавая, что идти ему не особенно хочется. Душа пела и ликовала, просилась побыть одному, наедине со своими мыслями. Раздавшийся крик Аси вынудил его ускорить шаг. Она отчаянно звала его, и в то же самое время раздавались весёлые голоса ребят. Они кричали громко, с задором, словно никто из них не устал и ничего за этот уходящий, прожитый ими день не произошло.

– Ну, слава тебе, господи, пришёл наш любимый Витька! – воскликнула Ася, как только он показался.

– Что за шум, а драки нет? – весело, прибауткой спросил в свою очередь девушку он. – В уборную от вас и то не отойдёшь, блин.

– Витёк, посмотри, какой я гриб нашла! Их тут навалом, и все такие здоровушие! Что это за гриб, он съедобный? На боровик с виду похожий, так ведь?

– Моховик, Ася, это, и он очень даже съедобный! Смахивает на маслénка, только больше, его можно и без масла жарить, масла в ём много, – безошибочно определил Витька и через паузу договорил: – Если общество не против будет, так, может, жарёху мировую на ужин сварганим по-быстрому? Или опять, как в прошлый раз грибовницу, тоже вкуснятина получится!

– Не, не против! Делай что хочешь, проводник, кто же будет против грибов! – согласился Вадик, и его поддержали восторженными возгласами.

– Тогда за дело, до полной темноты грибы почистить надо...

*** **

Костёр уже горел, бросая блики на деревья. Стоя возле него, казалось, что вокруг уже наступили плотные, мрачноватые сумерки. Витька обеспокоенно посмотрел на направление дыма: ветер, сменившись, подул с севера, и это обстоятельство, в чём он не сомневался, непременно повлечёт похолодание.

– Пацаны, пока я к реке схожу, найдите пару-тройку сваленных сухих деревьев, хорошо бы толстых. На ночь нодью устроим, чтобы всю ночь потихоньку, в натяг, но горело, не как в прошлую ночь – сколь ни подкидывал, а к утру всё равно едва вообще не утухло.

– Что ещё за нодья? Я впервые про такое слышу! Увидел – делать нам не фиг, Витёк, так выдумашь специально, что ли?.. – спросил Пашка. Ему явно не хотелось ничем больше заниматься, а лишь, бездельничая, ждать у костра вождельного ужина.

– Это, Паша, такая рыбацкая надёжная штука: два дерева вместе положишь – оба вдоль, между ними костёрчик небольшой зажигаешь, и потом они всю ноченьку друг дружку поддерживают, горят. Без палатки были бы, дак можно тогда бы прямо на них спать. Ну, конечно, подстелить что-то, да подальше держась от огня. Я спал несколько раз – ништяк, понравилось, дерево со временем тёплым стаёт, само задницу греет...

Девушки с Севкой за считанные минуты набрали полтора десятка крупных, крепких моховиков. Воська ни в чём пока участия не принимал, сидел и млеял у костра, пристроив недалеко от огня одежду для сушки. Витька примостил тут же свои портянки и сапоги. К реке босой не отважился идти, опасался нарваться в густых сумерках на сучок или что-нибудь другое, колкое, поэтому попросил у Севки кеды. Тот неохотно, но дал ему. Кеды немного жали даже на босую ногу, хотя идти было всё-таки можно.

– Витя, я с тобой! – решительно заявила Ася, и он согласно кивнул.

Пашка с Вадимом уже возились неподалёку, отыскивая нужные деревья, благо поваленных непогодой лежало их здесь довольно много. Доносился треск, звук топора и непременно сопровождавший работу мат.

– Ну идём уж, Вить! – попросила девушка.

– Сейчас, только картошку достану, заодно с грибами почистим на берегу...

Ася пожелала идти первой. Она несла пару котелков с грибами, у Витьки было в руках остальное. Едва они успели скрыться из виду, как девушка, поставив ношу на землю, жалобным голоском попросила:

– Витья, отвернись! Я уж терпела-терпела, мочи нет!

Витька, остановившись, слегка покраснел, отвернулся. Спустя минуту они опять продолжили путь, а ещё через две вышли к реке и сразу приступили к делу. Ася стала чистить картофелины, а он грибы, это занятие было для него привычным. Они торопились и некоторое время сначала молчали и, наверное, молчали бы дальше, но тут недалеко от них вдруг раздался протяжный рёв, мощный и жуткий в сумерках мрачной тайги. Рёв даже приглушил рокот реки, такой был долгий и громкий. Ася, бросив не очищенную до конца картофелину, бросилась к Витьке и схватила за руку. Мелкая дрожь била девушку не на шутку.

– Что это, Вить?

– Миша, кто же ещё! Медведь. Даёт знать всем, кто в тайге хозяин.

– Так он задерёт же нас, Вить! Ой, и зачем я только попёрлась, дурочка, сюда, к чёрту на кулички! Сдались мне эти алмазы... Медведь, он что, к нам сюда идёт?

– Может, и идёт, так что? – спокойно ответил Витька, и сейчас же пожалел, потому что Ася на его слова разразилась плачем.

– Дура я, дура! – запричитала она. – Поддалась общему настроению: романтика, а то как же – ведь поход за алмазами! А не подумала сразу, дура, что это даже незаконно. Если и что найдём, так за задницу возьмут. Меня, комсомольского активиста, в первую очередь привлекут. И за что только страху в тайге натерплюсь, не понимаю!

Витьке пришлось оставить на какое-то время грибы. Надо было её успокоить, хоть он не знал, и даже не представлял, каким образом это сделать. Для начала Витька мозолистой пятернёй неуклюже погладил девушку по голове.

– Ася, ну у него ведь своя дорога! Откуда я знаю, куда он идёт? Я уже говорил, что не тронет медведь человека, сытый он в это время, ленивый. Если мы сами борзеть не начнём, не будем ему мешать, на его территорию не погрёмся, так чего ему на нас нападать?

– Ага, откуда ты знаешь? Мы, может, уже впёрлись в его землю, не зря же он орёт так громко!

– Пока нет, кажись, не впёрлись ещё. Мишка обязательно прибежал бы шороху наводить, прогонять ненужных гостей. Это он предупреждает, Ась. Зачем ему лишняя возня с нами? На свои владения он никого не допустит. Вот так, чтобы не грызть чужака, пугает на всякий случай вначале. Я думаю, тут на многие километры больше никого, кроме нас, нету. Нюх и слух у него звериный, наверняка дым от костра почуял, или голос человеческий... Давай уж, Ася, успокаивайся, дела надо делать – народ у костра ждёт, жрать ведь все хотят, как волки.

– А ружьё у тебя с собой? – продолжая всхлипывать и умываться слезами, но уже не так бурно, как прежде, с надеждой спросила она.

– Смотраться ведь недолго, из мешка вынуть. Чисти и ни о чём не переживай, на меня полагайся...

Ещё с минуту или, может, две Ася сидела молчала, тихо всхлипывая, наверно прислушивалась, а потом, чего Витька никак не ожидал, она чмокнула его в щёку и отошла. Он покраснел, разволновавшись до крайности. Ведь его впервые в жизни поцеловала девушка, да ещё какая! Витька не знал, надо ли ей сказать что-либо в ответ на этот порыв, и тут, вспомнив данную себе клятву перед походом не вмешиваться, не вставать между ней и Пашкой, справился с волнением и с двойным усердием молчком стал чистить грибы, решив, что так будет лучше. Вскоре с ними и с картошкой было закончено. Вкусно пахнувшие свежестью леса, чистые грибы, крупно порезанные, он залил водой, туда же Ася высыпала картошку. Набрал заодно воды и на чай в пустые котелки, они сторожко, часто поглядывая по сторонам, отправились

назад. Витька старался идти как можно ближе к Асе, чтобы она чувствовала его обнадёживающее дыхание за своей спиной...

Оставшиеся в месте отдыха ребята, пока они отсутствовали, поработали на совесть. Витька с удовольствием отметил, что очищенные от сучьев брёвна лежали как нужно и между ними весело плясал языками пламени костёр. Портянки и его литые сапоги к этому времени успели просохнуть и он, с удовольствием скинув кеды, натянул наконец свою неизменную в походах обувку. В предвкушении скорой сытости и последующего отдыха ребята с благодушием смотрели на огонь. Он притягивал, завораживал, каждому навевал хорошие мысли про вкусную еду, и потому говорить между собой им не очень-то хотелось. Кроме запаха грибовницы и дымящей древесины, несло ещё крепким табаком, так как все пацаны дымили. Табачный запах смешивался с дымом костра и вместе с ним уносился ветерком.

«Как вот тут медведю не учуять нас...» – подумал Витька. Несмотря на то что он недавно всячески успокаивал Асю, всё-таки сам думал несколько по-иному, прекрасно сознавая опасность неожиданного нападения зверя на стоянку, то есть на них. Не мог Витька гарантировать того, что они своим вторжением не нарушили покой зверя. Медведи должны быть тут везде, на это ясно указывал медвежий помёт, попадавшийся ему на глаза довольно часто. О чём он, дабы не будоражить и без того пугливое общество городских, естественно, умалчивал.

– Проводник, покурить, наверно, хочешь ядрёных, махорочных? Я на всякий случай прихватил пару пачек, думал комаров гонять, а их нету, – предложил Севка, но Витька отмахнулся:

– Некогда мне, братцы, раскуривать пока! Похлёбку сварю, и тогда уж после плотного ужина... Дед мой мало курил, но после жратвы себе никогда не отказывал, завсегда «козью ножку» завернёт, да её до самого конца вытянет. Махорку, царство ему небесное любил, привычка с войны, видать, к нему прилепилась...

Севка насчёт курева больше к нему не приставал. Витька продолжал наблюдать за бурлившим котелком, и вскоре, минут через пятнадцать, громко сообщил:

– Всё, грибная похлёбка готова! Налетай ребята!

Удивительно, но на его призыв никто не откликнулся. Находясь у огня, Витька, ослеплённый светом, никак не мог в кромешной тьме рассмотреть лица городских, едва различал только их силуэты. Уже в полутора метрах от костра всё вокруг него казалось чёрным, однообразным. Даже высокие деревья, и те тоже как бы слились в единую чёрную стену. Костёр иногда бросал на них блики, и тогда деревья на какое-то мгновение походили очертаниями на неизвестных уродливых и жутких сказочных, исполинов. Витьке пришлось сделать пару шагов в сторону ребят, выждать время, чтобы глаза адаптировались к темноте. Судя по тому, что ребята лежали, подложив под изголовье вещмешки, можно было сделать вывод, они все поголовно спят. Впрочем, это обстоятельство не вызвало у Витьки удивления, он мысленно пожалел ребят, однако оставлять всё как есть до утра, конечно, не собирался, и потому закричал:

– Эй, братцы-кролики, вы чего разлеглись?! Ужинать не собираетесь, что ли, сегодня?..

Похоже, его на этот раз услышали. Он увидел, как ребята зашевелились, хотя и продолжали лежать. Витьке ничего не оставалось делать, как подойти к тому, который ближе, и потормошить, им оказался Севка.

– Мужики, подъём! – пробасил Севка хриплым спросонья голосом и, продирая глаза одной рукой, другой стал шарить в рюкзаке, отыскивая ложку, а она, будто назло, никак не попадала ему, и он из-за этого тихо матерился.

– Глико, как вас разморило, намаялись бедные, да ещё у костра как-никак, а пригрело, сон нагнало, – проворчал Витька. – Давайте, побыстрее шевелитесь, я ведь уже снял котёл от с костра, остынет ишо, а холодную кто грибовницу мякает, никакого же кайфу стилью хлебать...

У проводника Витьки, довольно грамотного, по сельским меркам, деревенского юноши, во время разговора слова порой вылетали необычные, будто состарившиеся. Давно уже таких не было в обиходе у современной молодёжи. Он и сам не знал, почему так происходит. То ли нахватался старинных слов от деда и бабушки, у них они нет-нет да и прорывались наружу, то ли эта оказия сразу вместе с ним родилась. И как ни пытались школьные занятия что-либо изменить в его непривычной, старомодной речи диктантами, стихами и разными упражнениями, ничего не получилось. Слова продолжали вылетать, как бы он ни старался сдерживать их, и они почти всегда вызывали снисходительную улыбку, в особенности у городских спутников. Зачастую те просто не понимали его, хотя никогда и не переспрашивали, не дразнили, относились к этому с пониманием, полагая, что в глухой деревне говорят так же, как их Витька-проводник, все деревенские жители...

Пока Витька разбудил всех, Севка тем временем уже успел попробовать горячее варено: – Вкуснятина такая, что можно язык проглотить! Если ещё резину потянете, то я всё сам съем. Витька, похоже, что-то мясное в грибовницу бухнул. Я верно говорю, Витёк?

– Угадал, Севка, у меня банка тушёнки была, вот я туда её решил спровадить. Кашу маслом не испортишь, с грибами мясо в самый раз идёт!

– Дед, наверно, опять научил или бабка? – поинтересовался Пашка.

– Ага, они...

Ребята, окончательно отойдя ото сна, ели с завидным аппетитом, некоторые бессовестно чавкая. Севка вспомнил про оставшуюся от Воськиных процедур водку, когда еды оставалось совсем немного, почти на самом дне котелка. Её немедленно разлили, поделив только на пацанов, и выпили. Грязную посуду мыть в реке никому не хотелось, Витьке, в том числе тоже, однако пересилив навалившуюся лень, он всё же с неохотой засобирался, складывая в кучу ложки, кружки, котелки и прочие использованные ёмкости.

– Ладно, пойду и я с тобой, – проговорил Сева. – Вздремнули, досыта наелись, чего тут зря лясы точить у костра...

На небе, несмотря на ещё не слишком позднее время, взошла луна, и при её холодном, загадочном свете пробираться к воде было не так уж трудно даже без фонаря. Под ногами хорошо различались павшие трухлявые деревья и даже та узкая тропка, которую ребята успели за несколько раз протоптать тут в высокой, по пояс, перестоявшей траве.

– Ты знаешь, Витёк, у меня такое чувство, ровно за мной всё время кто-то следит. Я, умом-то понимаю, что этого не может быть, а вот отвязаться всё равно не могу. Нет-нет да как найдёт на меня, страх появляется! – неожиданно признался проводнику Севка, когда они, присев на берегу, стали раскладывать посуду: котелки, ложки и кружки раздельно.

– Такое бывает не у тебя одного, кто в дремучем лесу оказывается! – со смешком ответил Витька, сразу подумав про себя, что, наверное, не зря Севка, с виду ленивый парняга, пожелал добровольно мыть вместе с ним посуду в темноте.

Севку тайга страшила и потому беспокоила. Нужно было излить душу, но не при всех, чтобы ни в коем случае не оказаться осмеянным друзьями, а тем более девчонками. Витька об этом сейчас догадался и продолжил размышлять вслух:

– Нам ведь всем в малолетстве сказки рассказывают старшие: «Три медведя», например, слышал ведь, или опять же про Бабу-ягу. Оно, конечно, завсегда интересно слушать, но и страшно! Страх-то потом этот с тобой всю жизнь и ходит. В тайге какое главное правило надо соблюсти? Это, перво-наперво, ежели не знаешь её, так сам один по ней не броди, с кем-нибудь опытным только вместе, в паре, и заодно не лезь куда не надо, даже дерево без надобности рукой не лапай – можно испугать того, кто на дереве сидит, сверху на тебя смотрит. Та же куница возьмёт, да и прыгнет на башку с перепугу. Да ещё обязательно под ноги смотри: можно угодить в капкан и в берлогу так же запросто попасть. Вообще мало ли ещё куда можно рылом влипнуть. Чтобы беды нажить, дураку далеко ходить не обязательно. Короче, вести себя

надо в тайге тихо и осмотрительно. Даже лишка ягод и тех же грибов отсюда нельзя домой тащить, тайга этого не жалуется, обязательно что-то да приключится с жадобой. Сколь случаев уже знаю...

– А то, что мы идём алмазами разжиться, для того чтобы разбогатеть, это как будет называться, разве не жадностью? Если найдём целую кучу, мы же всё заберём, неужто хоть один оставим? – подал голос Севка.

– Ну ты и сказанул – куча!.. Знаешь, Сева, чего я больше всего опасаясь, так это раздору между вами, городскими. Кучу мы, конечно, не съедем, клад для нас там никто не припас, но, сколь бы не добыли, делёжка будет самым трудным испытанием. Легче несколько раз через бурную реку перебраться, чем по справедливости добычу между всеми разделить.

– Н-да, – помолчав, как будто согласился Севка, и после непродолжительной паузы заговорил, приглушив голос, словно его могли услышать друзья, оставшиеся у костра. – Пашка, он такой, он может и всё себе заграбастать. Будь-ка с ним, Витька, настороже, не задирай зря.

– Ты это на что намекаешь? Когда я его задираю? Я вообще стараюсь меньше с ним зря базарить!

– Я насчёт Аськи, ты лучше подальше от неё держись. Пашка уже косится, кабы не записывал. Тогда тебе несдобровать – полезет с кулаками, он на расправу быстрый! Я-то его давно уже знаю: чуть что не по нему – сразу по сопатке хреначит!

– Ася, ничего не скажешь, девушка красивая и фигуристая, но не для меня она, Севка. Не знаю, что там Пашка думает, а я так даже не помышляю закадрить с ней. Слишком между нами пропасть большая, разные мы, да и по годам она старше, относится ко мне как к малому.

– Ладно, я тебя, считай, предупредил...

Мытьё посуды шло к концу, Севка уже домывал последнюю кружку, тщательно выполаскивая, освобождая от песка.

– Воды на чай наберём, – сказал Витька. – Чаёк перед грядущим сном не помешает.

– У Женьки конфеты шоколадные есть, я сам видел! – выразительно причмокнув, добавил Севка. Закончив с кружкой, он вдруг спросил у Витьки-проводника про такое, что заставил того смутиться. – Витёк, ты когда-нибудь, ну хотя бы один раз, имел в кровати дела со шмарой? Есть у вас в деревне гулящие?

– Да было пару раз, – не сразу и нехотя признался Витька, и этим вызвал большой интерес к себе у Севки. Тот удивился и чему-то сильно обрадовался, даже подошёл и похлопал Витьку по плечу.

– А ты молодец! Я думал, ты вообще ещё мальчик с пальчик. Ну и кто она такая, ваша деревенская?

– А тебе это зачем знать?! – поначалу отрезал Витька, но потом, поостыв, всё же подтвердил, вяло и тихо. – Да, наша деревенская, к ней наши пацаны, дружки мои, ходят, тайком, конечно, и очень редко, чтобы, не дай-то бог, родичи ненароком с ней не застукали. Нам то чё, поймают на таком срамном деле – по заднице ремнём опоясают раз-два, и нам потом до феньки, как с гуся вода, а её могут за такие дела и погнать из деревни куда подальше за бл... во.

– Лет ей сколько, небось баба уже?

– Да лет под сорок будет.

– Ого! Хороша была практика! – захохотал Севка. – Ну и как тебе со взрослой бабой, понравилось?

Витька, разом насупившись, промолчал. Зачерпнув в два котелка воды, быстро пошёл к костру. Ему, не очень искущённому деревенскому пареньку, отчего-то вдруг стало не по нутру за вырвавшееся признание. У него первый раз в жизни возникло чувство стыда перед женщиной, которая ничего плохого ему не сделала, а только, наоборот, с ней он впервые почувствовал себя как будто настоящим мужчиной. Она обласкала его так, что он, испытывав необычайное удовольствие, никогда этого уже не забудет. Сохранит деревенским простым

случаем, сведшим с ним пусть некрасивую, простую и к тому же ещё намного старше годами женщину, в своей памяти надолго, если не на всю свою жизнь.

– Витюша, дорогой наш проводник, ну где ты запропастился? – ласковым голосом встретила его Ася. – Сева, бессовестный, ты, наверно, заболтал парня? У нас тут без него разговор вовсе не клеится.

– Не, мы посуду до блеска натирали для всех вас, потому долго, – оправдался Севка, и в свою очередь полюбопытствовал: – Разговорчик-то, интересно знать, об чём таком завели, что тот без проводника не заклеился?

– О самом земном, Севка! Мечтали о том, как бы неплохо сейчас было в баньку деревенскую сходить, да там веничком берёзовым от души похлестаться. Ты нас, Витёк, за эти два дня уморил – пропотели до самых костей! Завтра ещё день так же побегаем – вообще завоняемся, – ответил за Асю Вадик.

– А я-то тут при чём? – пожал плечами Витька. Он уже успел пристроить котелок над костром и наблюдал за водой – ждал, когда закипит, предварительно засыпав в котелок добрую щепоть грузинского развесного чая. – Здесь бань для нас нету, придётся потерпеть, или вон в речку сигайте! У меня пачка хозяйственного мыла есть на всякий случай – кто полезет в ледяную воду, тому дам.

– Ну ты сказанул, проводник! – присвистнув, проговорил молчавший до сих пор Пашка. – Лучше уж, в самом деле, запах потерпеть, все одинаково грязные, чем в речку прыгать. Мы про то без вас вспоминали, кто, где и когда в своей деревянной бане парился, ну и спор меж нами зашёл. Вадик божится, дескать, в вашей деревне бани в огородах все ещё сплошь по-чёрному топятся и после мытья вы, деревенские, выходите оттуда чумазые, будто черти какие. Так ли это, правду Вадька сказывает, Витёк?

Витька ответил не сразу, занят был только что вскипевшим чаем. Соблюдая осторожность, плеснул себе из котелка в кружку и, обжигая губы и язык, снял первым пробу.

– Кажись, не ополоски. Во! На все сто процентов заварился! – похвалился он и в то же время, однако, отставил кружку в сторонку. Не рискнул больше принимать крутой кипяток в рот. – Так, выходит, хотите знать, по-чёрному наши бани или нет? Я скажу, что плохо Вадька смотрел. У нас, почитай, на тридцать дворов всего две баньки по-чёрному топятся, дым коромыслом через дверь валит. У всех остальных по-белому: печи с дымоходами с умом выложены, чистота и порядок, ежели, конечно, хозяйка сама чистоplotная, не грязнуля какая-нибудь.

– Ну я же тебе говорил, Вадик, что с пережитками прошлого в деревнях тоже борьба идёт. Когда в стране коммунизм строят, темноту тараканью уже всяко в покое не оставят, понудят по-новому жить, – поддел дружка Пашка и театрально вздохнул, задрав голову. А после опять продолжил о своём, насущном: – Эх, а всё-таки парная банька на ночь перед сном – милое дело! Так ведь, проводник, я верно считаю?

– Не, не верно...

– Это почему же, Витюша?

– Да потому, Паша, что опасно в позднее время в бане мыться – можно на такую неприятность нарваться, на всю оставшуюся жизнь охотку отобьёт, если ещё живой останешься...

– Ну-ка, ну-ка, продолжай тему! Чего же ты замолчал? – загорелся Пашка, поскольку Витька, выдерживая паузу, принялся снова за чай, полагая, что сболтнул лишнего...

Страхи рассказывать на ночь в присутствии и без того напуганных девушках было ни к чему. Однако к настойчивой просьбе Паши присоединились остальные ребята, в том числе Ася в один голос с Женей, и он осторожно начал рассказывать историю, которая недавно произошла в соседнем селе, находившемся от их деревни примерно в двадцати километрах по большаку:

– Короче, после одиннадцати вечера, ближе к двенадцати часам ночи, баню, ежели та была истоплена, другие уж занимают, не хозяева и не соседи. Нечистая там намывается. Домо-

вой бы, дак ладно, терпимо ещё, тот хотя бы прячется, старается людям на глаза не попадаться. Бесы приходят, вот беда-то...

– Ха-ха-ха! Ой, умора! – громким смехом перебил рассказчика Вадик. – Ты это что, Витёк, на полном серьёзе про бесов нам здесь по ушам втереть хочешь?

– Не хотите – не слушайте! Раз веры от вас мне нет, то я не стану продолжать, – рассердился Витька, и тотчас на Вадика зашикали все городские ребята.

– Он больше не будет! – поручилась Ася. – Продолжай, Витенька! Страшно, но, наверно, жуть как интересно, ты прямо сказочник какой-то у нас!

– В общем, в селе том, Завьялихе, дворов поболее, чем у нас, будет, потому как в ней леспромхоз обосновался. Даже общага есть для командировочных. Специально для них баню построили, не особо большую, а так, чтобы в одно время могли пять-шесть мужиков поместиться. Тут же, при бане, прачку с другой стороны пристроили, бабы общаговское бельё чтобы раз в неделю стирали. Ну и вот, задержался однажды тракторист на работе, что-то с трактором в дороге произошло. Приходит к бане уже в темноте. Прачки ещё свою работу пока не закончили, а в бане, как положено, все уже, кому надо, засветло помылись, попарились и никого там на этот час нетути. Тракторист-то к бабам обратился: так, мол, и так, задержался я, дескать, можно ли в баньке с устатку помыться, грязь рабочую с себя смыть? А тем больно надо! Иди, говорят, баня покуда открыта, никого в ней нет. Тракторист, конечно, пошёл, в предбаннике исподнее скинул, да в парную. В парной на полке, на самом верху, старик какой-то парится, кряхтит от большого удовольствия. Тракторист значения этому не придал, мало ли кто ещё припозднился. Решил пониже расположиться, на самой нижней полке, чтобы, значит, старику не мешать, благо места хватает, чё тесниться. Посидел, конечно, погрелся – пот поначалу надо ведь из тела наружу погнать, так положено, прежде чем веником себя хлестать. В бане жарко, старик сверху плещет и плещет на камни. Тракторист-то ещё про него подумал: мол, вот он даёт, блин, старьё, а здоровья видать у него хоть отбавляй! На прогрев у тракториста минут пять ушло. Конечно, захотелось ему, перед тем как начать мыться, прежде попариться. В баньке ведь, сами знаете, все равны, потому что голые, хоть генерал тут будь, хоть трудяга, всё одно. Взаимовыручка такая, что только позавидовать, так бы во всём и везде было. Ну, для этого парного дела услужить попросил старика, больше ведь некого, чтобы, значит, попарил ему, трактористу, как следует спину, самому не больно сподручно. На просьбу его старик не ответил, а только махнул: иди, дескать, сюда, ко мне, попарю. Тракторист не задумываясь к нему на полку и подался. Поначалу всё вроде бы по-хорошему складывалось, старик по всем правилам, с отяжкой парил, не забывая парку поддавать заодно. Скоро уже стало трактористу нелегко, взмолился: прекрати, мол, хватит, спасибо большое! Только старик энтот будто не слышит, бьёт и бьёт того по спине да по заднице, не останавливается, как с ума сошёл. Сделалось трактористу бедному вовсе плохо, решил сбросить с себя старика, который с умыслом или, может, для удобства на спину ему уже взобрался. Но не тут-то было! Тракторист и так и сяк – хотя и здоровый слыл, ведь подковы гнул на спор, а справиться не смог со стариком. Тот намертво прижал его к полку, и стал тракторист уж сознание терять. Здесь ослабил силушку старик, видно почуяв близкую смерть, и вот, собрав последний дух, извернулся тракторист да повернул башку-то на своего мучителя...

Витька замолчал, кажется, на самом интересном, чтобы самому перевести дух. Он ведь, когда сам узнал от своих, деревенских, про эту историю в бане, то сразу в неё поверил. Поскольку не раз замечал, парясь в тёмное, позднее время один, как происходит что-то вокруг него, а чего именно – объяснить себе не мог. Когда свеча горит, многого при ней не разглядишь, разве только зловещие тени на закопчённых стенах, а вот странные звуки часто слышал совершенно отчётливо.

– Ну давай уж, давай, не томи душу! – глухо проговорил в тревожной тишине Пашка, и его неуверенным, с хрипотцой голосом поддерживал

Вадик.

– Договаривай уже до конца, проводник...

– Ну, короче, то, что тракторист увидел, вырубил его надолго. Увидел он на голове старика невеликие рожки, а возле самого своего лица – кончик хвоста, который дёргался и подпрыгивал. Очнулся только когда баня уже выстывать начала, прохлада помогла ему очухаться. Бабы в это время справились с делами, зашли к нему. Тракторист, конечно, поведал им всё, те с ходу поверили. Говорят, ладно ещё живого бес-от тебя оставил! Сказывают несколько годков назад так до самой смерти командировочного мужика чёрт запарил. Тракторист обиделся на них: почему, дескать, не предупредили? Ну те, конечно, стали отбрёхиваться перед ним. Якобы забывать начали уже про тот, давнешний случай, ничего подобного больше с той поры не случилось. Ведь и вечером поздно лесорубы мылись, и даже ночью, и как-то хорошо, по крайней мере всегда без чертей обходилось. Драки бывали по пьянке, а вот чертей нет. Тебе говорят, просто не повезло, тракторист...

– Да блин, хочешь верь, хочешь не верь в твою сказку! – после того как Витька, закончив рассказ, замолчал, изрёк Пашка.

И потом снова наступило молчание, и теперь уже долгое. Слышно было ребятам, как ветер шумит, раскачивая верхушки деревьев. От его порывов нет-нет да ломались сухие ветки. Они, треща, падали с высоких елей, до самой земли блуждая по лабиринту густого, живого, зелёного лапника...

*** **

Спать после таинственного рассказа проводника городские ребята улеглись без обычной в этом случае неразберихи и суеты, почти все сразу, по-быстрому перед этим справив свои неотложные надобности, причём не заходя в лес, в двух метрах от костра. Никто из парней уже не обращал внимания на девчонок, как, впрочем, и они на парней, так уж складывались жизненные обстоятельства. У каждого место в палатке было само собою определено. Витька свернулся под старым дедовским плащом калачиком, так он делал для тепла, подтягивая ближе к подбородку босые ноги. Обрез, незаметно от городских, чтобы зря не будоражить их воображение, сунул поближе в изголовье. Это придавало ему уверенности, ведь при случае он сможет быстро им воспользоваться, защитить себя и своих спутников от зверя или худого человека, замышляющего зло. Редко, но всё же в деревню доносились слухи о беглых зеках, бродивших по тайге, случайно попадавших на глаза охотникам. Вскоре Витька заснул под убаюкивающее слабое гудение костра. В ярком, цветном сне видел своих деревенских друзей, покойного деда и колдунью Агашу. Она будто смотрела на него как-то по-особенному, с лаской, и что-то наговаривала ему, а он никак не мог разобрать её слова. Потом Агаша неожиданно будто подошла слишком близко и схватила его за вихры...

– Витя, Витя, проснись! – отчётливо услышал он и почувствовал ухом чей-то горячий шёпот.

С трудом открыв отяжелевшие веки, рассмотрел в темноте лицо Аси, которая нежно трепала его волосы.

– Ну наконец-то очнулся! Все дрыхнут без задних ног, и ты тоже...

– Ася, что случилось? – с некоторой тревогой, но очень сдержанно, шёпотом, едва слышно спросил он, чтобы услышала только она.

– Ничего не случилось, дурачок...

Витька толком не видел её в темноте, но нутром почувствовал, как девушка улыбается. Руки её тем временем по-прежнему нежно перебирали его пропотевшие, уже успевшие загрязниться волосы. По телу парня пробежала необычная дрожь.

– Поцелуй меня, Витенька...

– Ещё чего скажешь! – с усилием сдерживаясь, боясь, как бы сильно не заколотило дрожью и не обуяло бы разом понятное желание, нарочито грубо прошептал Витька.

Уже через минуту он бы не смог остановить себя, если бы не отстранил девушку и не выбрался из палатки. Снаружи чувствительная прохлада мгновенно отрезвила ему голову, однако дрожать он не перестал. Дрожь теперь била его не на шутку, во всю силу. Против Витькиной воли даже иной раз звонко щёлкали зубы, и это, конечно, не могла не услышать Ася.

– Дурачок, успокойся уже! Я ведь просто пошутила. Ты же мой провожатый, должен понимать, что куда я без тебя...

Она потом первой нырнула обратно в палатку. Витька постоял у костра, пока не пришёл в себя, и, напоследок пошевелив брёвна, чтобы оживить огонь, последовал за ней. Ему долго не спалось. Он всё время думал о ней, радуясь и одновременно страдая, опасаясь ненужного скандала в случае, если об этом каким-то образом пронюхает Асин дружок Пашка. Ведь гарантировать того, что их перешёптывание никто из ребят в палатке не слышал, Витька не мог. А порой у него где-то в глубине сознания даже закрадывались сомнения насчёт искренности девушки и, хотя он старался гнать эти мысли, не хотелось верить, что Ася затеяла этот ночной разговор нарочно, ради потехи, но всё же...

Вот так с бессонницей, в волнительных размышлениях прошло, может, часа два. Проникавший в палатку холодок вынудил в конце концов Витьку подняться, несмотря на раннее время. На улице только едва-едва забрезжил рассвет. Его поразило то обстоятельство, как под утро схватилась морозом земля, она вся укрылась густым, мохнатым инеем, а при выдохе шёл густой пар изо рта, точно так же бывает зимой. Первым делом Витька энергично взялся за костёр, подкинув в тлевшие угли сначала тонких, сухих, а потом толстых веток. Было безветренно. Искры, толкая друг дружку зигзагами устремились кверху. Пламя хорошо осветило место стоянки, и он с неудовольствием отметил, что по поляне беспорядочно разбросаны вещи ребят: транзистор, посуда, ножи, различная одежда и даже обувь, которую хозяева сняли, но не удосужились примостить на безопасное расстояние к костру для просушки. Все вещи Витька собрал в одно место, обувь поставил на бревно, туда доставало тепло. Среди прочих оказалась и Асина спортивная обувь, и опять учащённо забило сердце, он не мог оторвать глаз, но, поняв, что долго смотреть без дела – значит снова погрузиться в свои потаённые мысли и безнадежно тонуть в несбыточных мечтах, заставил себя отвести взгляд, уйти и попытаться счастья на охоте. И конечно, в первую очередь для Аси добыть что-нибудь необычное к завтраку, а заодно лишний раз показать ей свою молодецкую удачу. Ведомый этой целью, Витька, затаив дыхание, стараясь не шуметь, ползком пробрался в палатку, нащупал рукой обрез, нож и, выловив из вещмешка пару патронов, заряженных мелкой дробью, вылез обратно...

Битый час он проходил вдоль берега, всматриваясь в деревья, не рискуя пока углубляться в тайгу, так как было ещё довольно темно. Недалеко от того места, где вечером накануне они с Севкой мыли посуду, наткнулся на волчьи следы. Ошибки быть не могло: в звериных следах он разбирался и запросто смог бы отличить волчьи следы от рысьих или от лисьих, да и от любых других тоже. По количеству следов ему сразу стало понятно: тут побывала полная волчья семейка и, судя по большим следам вожака, уже не чётким, как рядом другие, тот был немолодым, а значит матёрым и, конечно, рослым. Волчица тоже под стать ему – у той следы лишь ненамного были поменьше, чем у самца. Выводок волчьей пары, на первый взгляд, это три или четыре наверняка повзрослевших волчонка. Наследили они у берега везде. Вероятно, пока их родители принимались и, щурясь, хищно втягивали ноздрями человеческий дух, волчата тем временем неподалёку беззаботно резвились, не больно покусывая друг друга за бока. «Ещё волков нам только здесь не хватало! – подумал он, зная, что встреча с ними не предвещает ничего хорошего. – Едва ли они отважатся напасть на нас в пути или на стоянке, когда мы скопом, побоятся. Ко всему в августе волки не должны быть такие уж оголодавшие. Но опять же ожидать от этих коварных, жаждущих крови зверей можно всякого – на то и звери, к тому они очень умны. Проследят, подберут момент удобный, к примеру, чтобы кто-нибудь на время остался один, тогда как пить дать могут напасть...» Витька на всякий

случай постарался запомнить эти волчьи следы, выискивая ничем бы не приметные для городских ребят особенности. Ему, уже натасканному старыми охотниками таёжному следопыту, это было вполне по плечу. Он без труда прочитал их в оставленных на инее и кое-где на песке отпечатках лап. Мимолётом вспомнил, как прошлой зимой бывалый охотник из их деревни Ваня Карасёв похвалялся перед ним и другими пацанами мохнатой шапкой, сшитой из шкуры белого приполярного волка. Шапка редкая, завидная. Конечно, в такой бы никто не отказался пощеголять перед своими деревенскими, а к этому ещё доставить себе особенную приятность, с шиком съездить в белой волчьей шапке в город, да там уже вдоволь половить на себе завистливые взгляды многих городских, вечно бегущих в своих кроликовых облезлых шапчонках, спешащих куда-то с единственной целью – заработать денег на одежду и пропитание:

– Н-да, – почесав затылок, начал говорить он мысли теперь уже вслух. – Вполне возможно, эта семейка тоже из белых волков, всё ближе и ближе к северам идём ведь. Сдаётся, волки недалече от нас появились неспроста! Помогай нам бог, чтобы они отстали...

Устав бродить, Витька присел на валун близко у реки и закурил, решив ждать, когда окончательно рассветёт и будет хоть что-то видно в лесу. На большую дичь он не рассчитывал, было бы совсем неплохо подстрелить зайца или тетёрку. Сейчас его внимание приковалось к лесу, хотя этому часто мешала рыба, которая, никем в таёжном месте не пуганная, словно дразнясь, шумно плескалась на отмели, невольно заставляя Витьку оглядываться. У него уже появлялась соблазнительная мысль: «А не наловить ли мне крупной рыбы, и тогда опять, как позапрошлым утром, накормить городских наваристой ухой?» Уж Витька-то знал, как это сделать, ему стоило только сходить к лесу, выломать крепкую рогатину и, подправив ножом, изобразить из неё подобие остроги. Но всё же пока он рассчитывал на охотничью удачу и до времени эту мысль оставил. Нашупав во внутреннем кармане комочек металла, неторопливо рассмотрел его со всех сторон, царапнул галькой и, убеждённый, что на ладони именно оно, золото, широко растянув губы, заулыбался. Вчера за ужином его так и подмывало рассказать о драгоценной находке ребятам, но, к счастью, сдержался. Уже после ужина, перед сном, подумал, что из этого бы вышло. Ведь ссоры ему с пацанами точно было бы не избежать. Пашка, загоревшись, наверно, стал бы сразу его и всех принуждать возвращаться обратно к той речке, бросив затею с алмазами. Копать, рыться в ней, искать золото. А для начала захотел бы забрать у Витьки самородок, ну а Витька, конечно, этому бы сопротивлялся. Так и до драки ссора бы довела!..

Прошло ещё примерно с полчаса, и в конце концов на горизонте выглянуло долгожданное светило. Всего за считанные минуты инея на земле словно и не бывало. Зелёные, сочные травы, слегка кое-где побитые сверху морозцем, поэтому чуть пожелтевшие, но в основном ещё не покоровившиеся ночному холоду и устоявшие зеленью, переливались радужными цветами. Скопление крупных капель влаги преломляло и отражало солнечные лучи, создавая при этом эффект обыкновенного зеркала, заставляя Витьку шуриться... Пора, подумал он и, пожелав самому себе скорой встречи с дичью, снова зашёл в лес и, сторожко ступая по той же, примятой им ранее траве, направился в глушь, обходя буреломы и ели...

Удача улыбнулась ему вскоре. Примерно метров за тридцать от него, почти на самой вершине ели, сидела большая птица. Судя по окрасу и величине, Витька узнал в ней глухаря, отчего сердце у парня ёкнуло от радости. Осторожно, шаг за шагом он стал приближаться к добыче, благо глухарь чем-то был увлечён и смотрел в обратную сторону. Вот уже осталось не больше десяти-пятнадцати метров, Витька взвёл оба курка, прицелился и не выстрелил, дрогнул, решив подобраться ещё ближе и бить тогда уж наповал. Потому как сама ель оказалась высоченная, а обрез всё-таки не полноценное ружьё, кучность попадания дроби не та. Сделав к сближению шаг и потом ещё, он едва не упустил дичь. Глухарь, повертев царственной головой, взмахнул было крыльями, и тут прозвучал выстрел, эхом прокатившийся по тайге и затерявшийся где-то внизу, у реки. Тотчас переполошились, закаркали громко, захлопали

крыльями невесть откуда оказавшиеся неподалёку вороны. Убитая им тяжёлая птица, нагибая ветви, рухнула вниз, чуть не под ноги ему. «Ух и тяжёл будет!» – подняв добычу за шею, в радостном возбуждении прикинул на вес Витька. Ещё не до конца уверовав в свою удачу, он несколько минут рассматривал глухаря, и только когда устала от тяжести рука, понёс его к реке, чтобы там, у воды, сразу же разделать добычу давно известным ему простым способом.

Вернувшись на берег Витька, не мешкая и не растрчивая зря время на перекур, сразу приступил к делу. Разложил птицу на твёрдом месте спинкой вверх и, ловко орудуя острым ножом, в первую очередь разделил суставы, отрезал лапы, голову, укоротил наполовину крылья, а затем от шеи по верху спинки сделал глубокий надрез...

– Витька, Витька! Куда ты подевался!?! – выбегая к реке, истошно орал Воська, полураздетый и босой.

– Ну чего ты кричишь, здесь я, куда от вас уйду! Чего там опять случилось?

– Так я выстрел слышал, а ты слышал?

– Конечно слышал, потому как сам и стрелял. А ты, видать, сдуру подумал, по палатке палят? Вишь как налегке выскочил...

– Да не, я подумал, тебе моя помощь нужна...

Витька, взглянув на пацана с недоверчивой улыбкой, покачал вихрастой головой, стряхнув при этом капельки пота.

– Что-то мне не очень верится! Наверно, напужался чего, или кошмар приснился с пересыпу?

– Да чтоб с места мне не сойти, ты ведь мне вон как помог вчера! Если бы не ты, так сомы бы уж доедали...

– Ладно, верю пока, а дальше, как говорится, поживём – увидим, друг ты мне или нет. Народ в палатке тоже переполошился?

– Нет, дрыхнут ещё все без задних ног. Дальше от входа духота, разделись, в обнимку парами спят в чём мать родила. Вадик с Женькой, Пашка со своей Аськой...

Витька до боли прикусил губу, чтобы ненароком грубым слово не выдать себя, и насутился.

– О, дак ты здоровенного петуха завалил! – восхитился глухарём Воська. – Нажрёмся сегодня от пуза!

– Ничего особенного, самца глухаря убил, – буркнул Витька... – Ну, а Севка как же, между ними спит?

– Да они его подпустят, что ли, такие-то избалованные единоличники! В уголок сам по себе забился и спит калачиком.

– Что же ты, когда выстрел услышал, их не разбудил?

– Ага, мне бы потом знаешь как попало по шее от Пашки! Чёрт знает, чё у них на уме? Может, после сна чем займутся?

От этих слов Витьке сделалось совсем не по себе. Раскрасневшись от волнения, он словно застыл, занеся нож над глухарём, молчал и не шевелился. Воська, ничего не понимая, поглядывал то с недоумением на него, то с опаской на окровавленный нож. Знал Витька, что Ася ему никаких обещаний не давала и даже никаких намёков на любовь от неё не было и означало это, что она ничем ему не обязана и может делать, что ей заблагорассудится. Только всё равно было обидно, ведь он успел её уже по-настоящему полюбить своей первой мальчишеской любовью, чистой, без грешных каких-либо мыслей...

– Сбегай за топором, в котелок всё не войдёт, рубить придётся, – глухо проговорив, ото-слал он Воську, чтобы скрыть от него волнение.

И когда тот уже хотел стремглав броситься исполнять просьбу, сказал напоследок с досадой:

– Да никого там не буди, не время ещё, покою мне не дадут, расспросами до кишок замучают, что, да где, да как! А мне работать надо, пока мясо упреет, сам не раз употею. Экий, как на загляденье, сам видишь – здоровый какой под выстрел попался!

– Ладно! – пообещал Воська...

Словно вымещая обиду, он яростно принялся потрошить глухаря, приговаривая сквозь зубы:

– Ты уж прости меня, краснобровый красавец, так надо, по законам тайги здесь живём.

Ловко, запустив пальцы в надрез, он чулком, легко снял кожу с глухаря вместе с перьями. Сейчас ему бы позавидовала любая хозяйка, ведь после экзекуции на тушке не осталось ни единой пушинки, её можно было сразу опускать в кастрюлю или жаровню и готовить что угодно.

– Не фига себе, у него нога почти с мою в длину будет! – удивился подоспевший с топором Воська.

– Дуй, Воська, назад! Забыл я тебе сказать, чтобы ты котелки заодно прихватил, сказал Витька. – Разделанное мясо как мы без посуды потащим? Марать бы уж его не хотелось...

Он, конечно, не мог не поинтересоваться у Воськи, спросить, о том, что разрывало душу на части:

– В палатку там не заглядывал? Спят?

– Не, не смотрел. Спят, наверно, а чё им ещё делать?

– Неужели в палатке так их разжарило, что, раздевшись спят? Меня почему-то не особо грела палатка, прохладно было.

– Это ты у выхода дрыхнул, а дальше к середине лично мне даже душно казалось. Не знаю, может, надышали перегаром, так из-за этого... Пашка ещё, блин, всю ночь духоты прибавлял, по привычке, как всегда, бабахал... Он говорит, что во сне никто за себя перед другими не отвечает, поэтому можно...

– Ладно уж тебе, мне знать всё без надобности. Это его счастье, что он ни разу в одной избушке с настоящими охотниками не ночевал, ему бы там так постреляли... Ну беги уже, да поскорее оборачивайся, пока я рублю. Котелки все свободные оттуда сюда заberi, воды сразу в мясо нальём.

Вскоре дело было сделано. Разрубленный на куски глухарь лежал в трёх самых больших котелках, и ещё изрядно осталось. Витька, привыкший бережно относиться к еде, решил оставшееся присолить на всякий походный случай, чтобы забрать с собой в дорогу.

– Иди, Воська, вперёд, залей доверху водой и иди, уноси сколько сможешь, я потом подойду, мне нужно ещё тут задержаться.

– Ага, понимаю зачем, и нисколько не сужу, как некоторые...

«Кило пять-шесть, считай, без костей, одного чистого мяса получилось», – глядя вслед ему, подумал Витька. Он чуток подождал, пока тот скроется из виду, и по обыкновению встал на колени. Молитва его была недолгой, но жаркой. Он просил Святую Богородицу уберечь их от несчастий. Не зная отчего, но какое-то нехорошее предчувствие было у него – может быть, от навалившегося на него расстройства из-за Аси? Может быть...

Часть II. Утерянная в тайге

Вернувшись после удачной охоты и молитвы к стоянке, он не удержался от соблазна заглянуть в палатку. И то, что Витька увидел своими глазами, не только его успокоило, но и подняло настроение, он во весь рот заулыбался. Ребята действительно ещё все спали, но совершенно не в том виде, в каком, украсив враньём, описал ему Воська. Ася лежала на спине рядом с Пашкой и была одета в спортивную куртку и трико. Он её не обнимал, наоборот, отвернувшись, спал на боку. До Витькиных ушей донёсся его негромкий мерный храп.

– Воська, давай помогай котелки над огнём вешать, – весело сказал он. – Только без обид, скажи, почему тебя Воськой кличут, всё равно как будто маленькую собаку, а на самом-то деле как тебя звать?

– За малый рост, наверно, так прозвали, ещё с первого класса, Володей родители назвали, Вовкой, а сами, между прочим, тоже туда же – Воськой кличут.

– Обижаясь? Хочешь, я тебя по-нормальному, Вовкой стану звать?

– Да ну-ка его на хрен, я уже привык, могу просто не отозваться на Вовку. Пусть уж эта кликуха за мной ходит по жизни. Вовка имя мне вообще не нравится, столько анекдотов гуляет в народе про Вовочку – хулигана, дурачка и двоечника...

Скоро под чутким руководством, умением и старанием самого Витьки котелки висели над огнём, и ребятам оставалось только за ними наблюдать, чтобы при вскипании бульон не убежал в костёр. Витька, сказавшись, что пойдёт нарвёт свежей брусники на чай, оставил Воську вместо себя. Ещё во время охоты он заметил неподалёку целую кладёзю этой вкусной и полезной таёжной ягоды. Уже вскоре Витька рвал её вместе с листом и распахивал по карманам. Одновременно думал об Асе и о том, что тайга, если к ней относиться не по-хамски, не жадничать, всегда в летнюю пору прокормит, витаминами снабдит, да ещё и согреет, даст дрова на костёр. Недалеко от брусничного места в ельнике росло много грибов. Крепкие, с виду без единой червоточинки, они стояли толпами и, казалось, нарочно мозолили глаза, как будто просясь сами в руки хорошему человеку.

– Потом ребятки, потом, куда я вас сейчас! – несколько расстроенный, словно извиняясь, что сейчас не может забрать грибы с собой, ласково прошептал он. – Эко чудо, сколь вас тут! У нас дак кругом деревни на три километра всё высобирали, с грибницей свои деревенские и пришлые выдрали. Давайте-ка переселяйтесь поближе, да скажите потом, где вы, любимые, прячетесь, тогда каждый божий день собирать стану...

Когда Витька вернулся с набитыми брусникой и брусничным листом карманами, удивился, что ребята уже все сидели возле костра. Пашка с Вадиком негромко и лениво между собой переругивались. Девушки, ещё не совсем оклемавшиеся после долгого сна, то и дело зевали, прикрывая ладошками рты. Воська, как ему было, наказано, смотрел за бурлящим бульоном, помешивая по очереди в котелках. Не видел Витька только Севы – вероятно, тот отлучился недалеко по своим надобностям. Пахло невыносимо аппетитно варёным мясом, специфично, чуть отдавая кедром, заставляя ребят сглатывать слюну.

– О, пацаны, ведомый наш пришёл! Похоже, он опять чем-то вкусным обрадовать нас, цивильных горожан, собирается! – словно только заметив Витьку, язвительно сказал Вадик, по-видимому с утра находясь в плохом настроении. – А что, Витюша, ты в самом деле глухаря снял из своей пукалки?

– Пукалка – это у тебя, да ещё тут кое у кого, а у меня самое настоящее ружьё, только с обрезанными стволами. Если не веришь, сходи на берег, не ленись, посмотри там башку его краснобровую – отрезанная, изрешечённая дробью лежит.

– Чё ты, к нему, Вадя, пристал? – вступила в разговор Ася. – Парень угодить нам старается, а ты ещё гундишь! Иди вон сам подстрели кого, кишка, пожалуй, окажется тонка, или пукалка не та...

Вадик хотел ей ответить, глядел презрительно и даже привстал, но рта не успел открыть, его резко оборвал Пашка:

– Заткнись, пижон, она права! Если не согласен, так пойдём в лесок отойдём, я тебе объясню.

На этом ссора, вспыхнувшая на голом месте, была исчерпана, и наступила тишина. Тем временем явился Севка, который с ходу сунулся к бурлящим котелкам – видимо, желая выхватить подходящую косточку.

– Рано, рано пока ещё! – предупредил Витька. – Ещё часа полтора кипеть будет. Шли бы вы пока все к реке да умылись! Гуртом пойдёте, так Асе с Женей хоть не страшно будет. Только сначала достаньте из рюкзаков, у кого из этого что найдётся: короче, лук мне срочно нужен, перчик, может, есть у кого чёрный горохом, доставайте, мой уже закончился. Ну, а хлеб и всё остальное можно потом...

Здорово проголодавшемуся человеку ждать еду томительно. Особенно когда готовят её на виду, а если к тому же ноздри щекочет мясной запах, то челюсти у иных сводит тогда непроизвольно, до желваков. Ребята даже обрадовались Витькиному предложению сходить пока к реке, ожидание еды уже больше походило на пытку. Возможность не торопясь привести себя в порядок тоже была им всем кстати. Они наперегонки полезли в палатку: кто-то за мылом и заодно за перцем и луком, а те, которые были приучены чистить зубы и у кого хранился в рюкзаке взятый из дома зубной порошок с щёткой, вдобавок за этими туалетными принадлежностями, ведь появилась возможность ими воспользоваться.

– Вы там осторожней, вода ледяная, на глубину и быстрину не лезьте! – крикнул вслед уходившим Витька.

Сам он наконец-то теперь мог кашеварить не под пристальными голодными взглядами, и, конечно, такому обстоятельству был по-своему рад, надеясь потом получить в награду за приготовление заслуженную лично, без всякого вмешательства, похвалу. Вскоре с реки до него донёлся восторженный визг девушек, крики и мат пацанов. Витька поморщился, нет, конечно он тоже матерился, но всегда при случае, когда выразить рвущиеся изнутри чувства можно было проще так, всего одним или двумя матюгами, без лишних слов. Окружающие всё сразу понимали, как тебе в этот момент хорошо или, наоборот, плохо... Витька улыбнулся, представив, как на Асю брызжут водой, немного постоял без дела, прислушиваясь, и принялся за работу, в первую очередь освободившись от обреза и патронов и спрятав всё в рюкзаке. Потом неизменной своей деревянной ложкой он старательно собрал из котелков накипь, в каждый бросил на глаз соли и отошёл, чтобы собрать, где-нибудь в нескольких шагах сухих веток, иначе подбрасывать в костёр скоро было бы нечего...

За то время, пока ребята приводили себя в порядок, Витка ещё дважды смотался к реке за водой. Бульон быстро выкипал, а мясо никак не могло дойти, хорошо провариться. Вот и приходилось ему волей-неволей подливать холодной воды, хотя и знал, вкус варева от этого становится значительно хуже, навар получается уже не тот, какой должен быть, а какой-то пустой или сырой, что ли, словно в кипящую воду положили заранее готовое, уже сваренное мясо... Наконец Витька смело мог объявить ребятам: суп приготовлен и повар только ждёт, когда те начнут есть. Он пошёл к берегу, где по-прежнему раздавались весёлые крики. То, что там происходило, конечно, было для него совсем не ново. Пацаны играли в чехарду, и эту игру, больше походившую на силовую мальчишескую забаву, он тоже любил. Не раз после школьных перемен учителя задавали ему трёпу, потому как подбивал школяров на игру в школьном дворе, а когда так и прямо в коридоре школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.